

ЛОРА РУБИ

18+

13
ДВЕРЕЙ,
ЗА КАЖДОЙ
ВОЛКИ

Дверь в прошлое

Лора Руби

13 дверей, за каждой волки

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Руби Л.

13 дверей, за каждой волки / Л. Руби — «Издательство АСТ»,
2019 — (Дверь в прошлое)

ISBN 978-5-17-155672-3

Когда мать Фрэнки умерла, отец оставил ее с сестрой в сиротском приюте в Чикаго. Фрэнки думала, это временная мера: когда папа встанет на ноги, он вновь сможет их забрать. Но ее мечты разбились, когда отец приехал с новой женщиной и сказал, что уезжает из штата. Теперь Фрэнки и Тони совершенно одни – две молодые, никому не нужные девушки, которые хотят выжить. По мере того как угли Великой депрессии тлеют в огне Второй мировой войны, Фрэнки ищет хоть что-то, что поможет ей продержаться среди руин разрушенной Америки. Признаться, даже я пока не знаю, чем закончится история Фрэнки. Но я буду наблюдать за ней, чтобы это выяснить. По крайней мере, именно так обычно делают призраки.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-155672-3

© Руби Л., 2019

© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Весна 1946 года	6
Сон мертвых	6
1941 год	8
Богоматерь вечной скорби	8
Ангелы из крови и камня	15
На луну	19
Любимые места привидений	25
Утопленница	31
Вороний принц	32
1942 год	38
Слабые сердца	38
Чикагские русалки	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Лора Руби

13 дверей, за каждой волки

*Настоящей Фрэнки,
Фрэнсис Понцо Метро
1927–2018*

*Течение жизни пронесит мимо нас золотые моменты, а мы видим
только песок; ангелы навещают нас, а мы узнаем их, только когда они
ушли.*

Джордж Элиот. «Исповедь Дженет»

*Спокойно спи под грохот канонады!¹
Эрих Мария Ремарк. «На Западном фронте без перемен»*

Laura Ruby

THIRTEEN DOORWAYS, WOLVES BEHIND THEM ALL

Copyright © 2019 by Laura Ruby

© Луц Н., перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2023

---

¹ Пер. Ю. Афонькина.

Весна 1946 года

Сон мертвых

Слушайте.

Когда Фрэнки взяли в приют в первый раз, она не говорила по-английски, только по-итальянски, и повторяла снова и снова: “Voglio mio padre! Voglio mio padre!”²

По крайней мере, монахини рассказывали, что она это твердила. Сама она ничего не помнила.

Когда ее взяли в приют во второй и последний раз, она вообще ничего не говорила. Ни слова. Много месяцев.

Этого она тоже не помнила.

Помнила она вот что: обувную лавку отца на Ирвинг-Парк-роуд, запахи кожи и лака, тесную квартирку за лавкой, металлическую ванну посреди кухни и холодную воду, от которой сморщиваются пальчики ног, а еще грубую терку тети Марион на своей спине.

А потом выстрел из спальни родителей – такой внезапный, громкий и неправильный. Топот ног тети Марион, выбежавшей из кухни. Крики. Так много криков...

Фрэнки помнила, как выбирается из ванны, падает на пол, ударившись локтем так сильно, что кости гудят до самого черепа. Ползет с горячими слезами на лице, толкает дверь спальни и видит на кровати безвольное тело. Пахнет дымом и медью. Она переходит через порог из одного мира в другой.

Лучше всего она помнила саму дверь. Тронутые ржавчиной петли, трещины и щели, карандашный запах древесины, а потом просочившиеся в него все остальные запахи: кожи, чеснока, соли, крови. Помнила, как тетя Марион повернулась, подняла ее и захлопнула дверь.

Фрэнки нечасто позволяла себе вспоминать те события. Обычно она вообще о них не думала. И все же у нее бывали тихие дни, дни печали, когда она рылась в памяти, пытаясь найти на самом дне правду. Словно правда – драгоценность, которую можно добыть из-под земли и поддержать в руках, или словно правда – просто предмет, который можно найти под камнем, серый, безликий, прячущийся от света.

Но в эту весеннюю ночь 1946 года Фрэнки нигде не рылась, если не считать помойного ведра, в котором искала полученный на чай десятицентовик, нечаянно выброшенный вместе с недоеденным сэндвичем посетителя. После двойной смены она пришла домой в полночь и рухнула на кровать прямо в одежде, даже не сняв перепачканного горчицей, воняющего луком фартука. И хотя в проникавшем через оконные щели воздухе сквозило сладкое обещание весны, все войны Фрэнки закончились и ей следовало чувствовать себя в безопасности (наконец за долгое время), она проснулась через пару часов, в поту и лихорадке, на скомканных простынях, уверенная, будто мать что-то шептала ей на ухо.

Она села, схватившись за горло.

– Мама!

Но в комнате оказалось тихо и неподвижно. Луна прорезала темноту широкой серебристой полосой. Мамы здесь не было, да и не могло быть. Это невозможно. Теперь Фрэнки это вспомнила, хотя и не хотела вспоминать.

Тогда она позвала опять. Не маму, а кого-то другого, кого однажды видела лишь мельком. Другого человека, о котором не позволяла себе думать.

---

² Позовите моего папу! (итал.)

– Привет! Это... ты?

Ответа не последовало.

Фрэнки мрачно улыбнулась собственной глупости и протерла глаза, чтобы не щипали. Лунный свет прекрасно освещал всю комнату, хотя смотреть тут было особо не на что. Стул с одеждой на спинке; комод с электроплитой, стоящей сверху, и лежащей там же пыльной трубой; две одинаковые кровати и тумбочка между ними, а на ней – пепельница с морской раковиной, размером и формой напоминающей ухо ребенка. На другой кровати, не шевелясь, спала Тони, младшая сестра Фрэнки. Тони не слышала, как пришла Фрэнки, и не слышала ее возглас, что неудивительно. Монахини говорили, что они с Тони спят сном мертвых. Когда-то Фрэнки считала, что только люди с чистым сердцем могут спать так крепко, но те времена давно прошли.

Ветер снаружи усилился, засвистев в щелях окна, и Фрэнки вскочила с кровати. Сняла фартук и униформу. Нельзя быть такой глупой и неразумной! Разве у нее нет шестнадцати с лишним долларов, чтобы добавить их в пачку под матрасом? Разве она сама не платила за аренду семь месяцев подряд? Ей всего девятнадцать, но у нее бывали ночи и похуже этой, с гораздо более сильной болью и лихорадкой. Серебристая дорожка луны прекрасна, прекрасна, сказала она себе, надевая ночную рубашку. Вся эта проклятая комната прекрасна, потому что это ее комната, ее и сестры. Это то, за что она может держаться, даже если потеряла остальное.

Лунный свет выхватил раковину абалона на тумбочке, и розовое с голубым мерцание привлекло внимание Фрэнки. Она провела пальцем по перламутровому краю раковины. Эта изящная штучка приехала издалека, столько всего перенесла и все равно не разбилась.

Как и Фрэнки.

Взбив подушку, словно та была виновата в ее беспокойстве, Фрэнки опять упала на кровать и уснула. Тени удлинились, сместились и поползли по полу и по мебели. За стеной заскреблась мышь. Вдали послышался крик лисы, а может, волка. Сестры наконец-то дышали в унисон, словно придя к согласию. И все же в сон Фрэнки просочился шелестящий шепот. «Sono qui. Io sono qui per te, Франческа. Я здесь. Я здесь ради тебя».

Конечно же, она слышала не мамин голос, а мой. Потому что мертвые никогда не спят.

У нас так много других дел...

1941 год «Хранители»

Богоматерь вечной скорби

На «Приют Ангелов-хранителей» падал дождь со снегом, размывая очертания и придавая зданиям схожесть с особняками, подернутыми дымкой, словно с обложки какого-нибудь дешевого готического романа вроде «Капли яда» или «Секретов, которые нельзя хранить». Я, как всегда, пролетела мимо большого здания, где жили старшие дети, напрямик к Дому малютки. Кроватки там стояли ровными рядами, как могильные камни. Наверное, поэтому меня так влекло к ним, этим маленьким колыбелям жизни. Из-под одеял выглядывали личики младенцев. Новорожденные крепко зажмуривали глаза и, как котята, подрагивали во сне. Они сучили ножками и сосали кулачки, словно те были намазаны медом.

Я по очереди заглянула в каждую кроватку.

«Привет, малыш! – приветствовала я каждого. – Доброе утро, очаровашка!» Как и другие люди, иногда они меня слышали, иногда – нет. Если слышали, то их губки открывались и закрывались, словно они хотели сказать мне, что голодны. И хотя я не могла испытывать голод так, как они, это ощущение было мне знакомо. Я знала, как это больно. «Скоро, – сказала я им. – Скоро придут монахини, они накормят вас, и голод пройдет».

Не исключено, что это ложь. Но они всего лишь младенцы. Скоро они познают горнило этого мира.

Пройдясь по Дому малютки, я переместилась в другие коттеджи, которые сестры называют общежитиями. Здесь спят дети постарше. Мальчики и девочки живут отдельно, поэтому я навещаю девочек. Шестилеток с прилипшими к потному лбу волосами, десятилеток, запутавшихся в скомканных простынях, как какой-нибудь Гудини, а потом девочек-подростков с кудряшками, намотанными на клочки бумаги, с расслабленными во сне лицами. Я говорю и с ними, рассказываю, как чудесно будут выглядеть их волосы, когда они причешутся; что однажды, скорее, чем они думают, кто-то будет пропускать сквозь пальцы эти локоны, а девочки будут желать, чтобы это никогда не прекращалось, никогда-никогда. Как и младенцы, иногда они меня слышат, но чаще всего – нет. Время от времени какая-нибудь девочка просыпается и смотрит прямо на меня, и мне на секунду кажется, что она меня видит, что я здесь, осязаемая и настоящая, как и все. Затем девочка моргнет и недоуменно нахмурится. Может, потрет виски или посмеется над собой. Позже расскажет подружкам, что слышала, как ночью кто-то бормотал шипящим и щелкающим голосом, словно батарея отопления.

Меня воодушевляло, когда меня слышали. Я приходила поговорить с этой девочкой и следующей ночью, и еще раз. Я дергала под ней простыни, проводила ледяным пальцем по ее руке, щекотала ступни. Монахини наверняка начнут спрашивать, почему она сбрасывает одеяла, несмотря на холод, неужели хочет заболеть? И девочка будет клясться, что ничего не сбрасывала, что кто-то все время бормочет и тычет в нее, что здесь водятся ду́хи. Монахини поцокают языками и заявят, что нет никаких ду́хов, кроме Духа Святого, и это все рассказы, чтобы пугать глупых детей.

Но если бы кто-то в приюте проснулся сейчас и увидел в углу свернувшуюся калачиком фигурку, то вознес бы другую молитву, какую говорят, прижав к губам руку тыльной стороной ладони: «Пресвятая Матерь Божья...»

Это была девушка, такая же, как я, но раньше я ее не видела. Она сидела у стены, покачиваясь и постанывая, со слипшимися от крови волосами. Кто знает, откуда она пришла: может,

забрела с улицы или поднялась из катакомб под приютом, в которые даже я боюсь заглядывать. Я бы ее спросила, но большинство из нас зависли на своих последних ужасных мгновениях и неспособны общаться ни с чем, кроме собственных боли и страха. И даже те, кто может говорить, дают смутные, загадочные ответы, не удовлетворяющие никого, особенно их самих. Эта причитала ни о чем, ее левая скула и глазница были расколоты, выбитая челюсть висела под неестественным углом, словно она собирается проглотить что-то очень большое и неудобное. Вроде автомобиля.

Я видела и похуже.

Я опять переключила внимание на живых, которые начали одна за другой подниматься с кроватей. Никто из них не слышал стопа в углу, никто не заметил раскачивания и выбитой челюсти. И уж точно не Фрэнки, которая по-прежнему крепко спала – не как мертвая, а как спят полуголодные и недолюбленные. Небо за окном светлело, другие девочки зевали и потягивались, а я стояла у кровати Фрэнки, шестой от двери, и ждала.

Дверь приоткрылась, и вошла сестра Джорджина. Она никогда не задерживалась ни на минуту после пяти утра. Сестра пинком перевернула матрас вместе с Фрэнки.

Девочка сидела среди одеял, и ее сонный взгляд постепенно превращался в сердитый.

Это что-то новенькое: сердитый взгляд.

Сестра сделала два шага к Фрэнки. В своем черном одеянии она была похожа на вампира со страшной картинки. Другая монахиня пошутила бы: «О, Фрэнки! Я тебя разбудила?», или «Неплохо бы тебе присоединиться к нам в это прекрасное утро!», или «Иисус велит вставать и сиять!» – но не сестра Джорджина. Сестра Джорджина никогда не шутила. И никогда не улыбалась.

Управляющий приютом монашеский орден назывался «Сестры Богоматери вечной скорби», но некоторые монахини в самом деле служили Богоматери вечной скорби, а другие просто повергали в вечную скорбь всех остальных.

– Ты что-то хотела сказать, Франческа? – прорычала сестра.

Глаза Фрэнки говорили за нее – они горели гневом, таким горячим. Но она покачала головой.

– Думаю, что нет. – Сестра Джорджина отошла прочь, высматривая следующую спящую девочку, чтобы сбросить ее с кровати.

Сестра никогда бы не призналась, даже на исповеди, что переворачивать матрасы перед воскресной мессой было ее главной забавой в жизни.

Фрэнки вернула матрас на место, огонь в ее глазах немного остыл. По крайней мере, сестра в хорошем настроении. В плохом она была настоящей фурией. Фрэнки потянула себя за короткие, длиной с фалангу, волосы, торчащие на голове пушком.

– Они не будут расти быстрее от того, что ты их дергаешь, – сказала Стелла Заффаро с соседней кровати.

Фрэнки на нее даже не глянула.

– Заткнись, тупица.

– Заткнись, тупица, – передразнила Стелла и тряхнула своими волосами, белокурыми и блестящими, как у кинозвезды.

Стелла никогда не позволяла другим девочкам забыть эти волосы и забыть, что ее имя по-итальянски значит «звезда». Фрэнки вполне нравились свои, темные, – по крайней мере, когда они были, – и ее не волновало, что означает имя Стеллы по-итальянски. Зато Стелла не могла отличить бейсбольный мяч от тефтели.

При мысли о тефтелях рот Фрэнки наполнился слюной. Воскресенья существуют именно ради тефтелей. Во всяком случае воскресенья посещений. Можно подумать, что у сирот из «Ангелов-хранителей» нет родителей и вообще никаких родственников, но это не всегда верно. Спустя десять с лишним лет после биржевого краха 1929 года многие люди все еще терпели

лишения, безработные, бездомные. Чтобы дети не голодали, их отдавали на попечение монахинь. Чуть-чуть побоев и много богослужений казались малой ценой за пищу и кров – по крайней мере, так внушали себе родители. Некоторые из таких навещали своих «полусирот» каждое второе воскресенье. Отец Фрэнки не пропускал ни одного дня посещений. И то, что он приносил, заставляло Фрэнки чувствовать себя богатой, ощущать себя дочерью, хотя бы пару часов. Сандвичи с тефтелями, пропитанные густым томатным соусом; спагетти со сливочным маслом, которые были вкусными как горячие, так и холодные; глянцевые хрустящие яблоки. Иногда он приносил подарки – только что изготовленные кожаные туфли, такие чистые и новые, что их страшно было обувать. Они казались слишком особенными, чтобы касаться ими земли. Иногда отец набивал свои карманы леденцами или даже шоколадками в обертках. Или прятал приношения за спиной, чтобы Фрэнки, ее сестра Тони и брат Вито боролись за них, но только Тони была достаточно мала для подобных забав. Фрэнки так и ощущала вкус шоколада, тающего на языке.

Я тоже почти ощущала этот вкус.

– Чему ты улыбаешься? – спросила у Фрэнки Стелла.

– Ты еще здесь? Я думала, ты уже сбежала в Голливуд.

Фрэнки протиснулась мимо нее и пошла за другими девочками в ванную.

Ванная была огромным помещением с шестью унитазами, восемью раковинами, душами, ванной, которой никто не пользовался, и шкафчиками для «личных вещей». Забавно, потому что у девочек было мало вещей и среди них – ни одной личной. Но им следовало быть благодарными за ванную, потому что многие люди по-прежнему жили с удобствами во дворе. Фрэнки нравились водопровод с канализацией, но она не любила убирать здесь. Коленки всегда болели от мусора, впивающегося в кожу, когда она мыла пол, а руки становились грубыми и покрывались трещинами из-за едкого коричневого мыла.

Однажды Фрэнки попросила отца принести ей крем для рук, и он принес: в тяжелой баночке, лучший сорт, с ароматом розы. Девочку дразнил весь коттедж: говорили, что она задается и ведет себя как принцесса.

– О, посмотрите на Фрэнки! Фрэнки, где твои шелковые чулки? Где твое бальное платье?

Стелла цеплялась больше всех, поэтому Фрэнки тайком пронесла крем на ужин и положила толстый белый шарик на пирожное. Сказала Стелле, что отец принес это для нее. Стелла была так голодна, что съела два больших куса, прежде чем поняла, что натворила Фрэнки.

Я приходила в приют всегда, сколько помнила, но, когда увидела, что Фрэнки накладывает на пирожное крем для рук и предлагает его Стелле, начала наблюдать за Фрэнки, по-настоящему наблюдать. Мне нравилось думать, что эта ее шалость – не настолько унижительная, чтобы быть жестокой, но достаточно жестокая, чтобы быть забавной. Так сделала бы и я, когда была еще реальной и могла бороться. Такой маленький, безобидный протест.

Но, как часто повторяла моя мама, я только казалась безобидной. «Беда с этими девочками, – говорила она. – Они каждый раз обводят тебя вокруг пальца».

В тот момент Фрэнки была безобидной. Ее не интересовали имя Стеллы и ее светлые волосы. Она не думала и о собственных волосах, о том, что ее смуглая кожа заставляла монахинь ворчать насчет крови ее матери, и о том, почему никто не предостерегал ее насчет пребывания на солнце, как предупреждали Стеллу. Она даже не думала о приюте как о месте, где для многих людей жизнь казалась печальной и ужасной, поскольку понимала: могло быть и хуже.

Вместо этого Фрэнки толкалась у раковины с другими девочками, стараясь освободить себе немного места, чтобы умыться. Она вытерлась полотенцем, думая о том, что скажет днем отец. Монахини сообщили, что у него есть какие-то важные новости для Фрэнки, ее сестры и брата. В их жизнях может что-то измениться. Фрэнки в этом сомневалась. Помимо тефтелей, отец обожал драматический эффект. Однажды он объявил о переезде на новую квартиру таким тоном, будто заселялся во французский замок.

(Чего ему не нужно было объявлять, так это того, что в новой квартире нет места для детей и им не следует об этом спрашивать.)

Фрэнки не возлагала на отца ожиданий: насколько она знала, отцы не особо надежны. Все, на что Фрэнки могла надеяться, так это что он не приведет с собой опять эту... как ее? Воскресные посещения были не такими, как надо, если приходила она. Когда отец брал ее с собой, он никогда не приносил ни туфель, ни шоколада. Она делала его мелочным, превращала в совершенно другого человека.

Фрэнки чистила зубы, надавливая на щетку так сильно, что становилось больно. Кто вообще захочет о *ней* думать? Да никто. Может, о ней не думают даже собственные дети, которые живут в этом же приюте, в других коттеджах. Фрэнки не знала их имен, не знала, как они выглядят, и надеялась, что никогда не узнает.

– Сникерсы, – прошипели девочки в холле. И тут же по всему коттеджу воспитанницы стали передавать по цепочке: – Сникерсы, сникерсы, сникерсы.

«Монахини возвращаются, заткнитесь, пошевеливайтесь».

Не успела Фрэнки натянуть воскресное платье и пальто, как сестра Джорджина жестом велела им идти. Коттедж на самом деле был не отдельным строением, а большим помещением, выходящим в обширный коридор. Девочки из других коттеджей строем маршировали по холлу, и их шаги разносились так громко, что казалось, будто такой же ряд девочек марширует по потолку. В приюте были и мальчики, но их коттеджи располагались в другом здании. Девочки виделись с мальчиками только в церкви через проход. Подстриженную как овцу, Фрэнки не радовала мысль столкнуться с мальчиками – разве что со старшим братом Вито. Она с ним почти не встречалась. Даже братьев и сестер в приюте держали отдельно.

Сестра Джорджина во главе строя открыла дверь на улицу. Девочки побрели к церкви, опустив головы и держа рты на замке. Шел сильный дождь со снегом, и они пытались прикрыть волосы. На минуту Фрэнки даже обрадовалась, что у нее нет волос. А потом увидела мальчиков, которые тоже шли к церкви, смеясь и показывая на нее, и радость тут же улетучилась. В октябре 1941 года Фрэнки было четырнадцать. Очень юный возраст, как могло кому-то показаться, – но только не для людей, стоящих на пороге новой войны, не для сирот, не для Фрэнки. Ей было всего на три года меньше, чем мне. Чем мне сейчас... Чем мне было...

В общем, совсем не весело, когда мальчики смеются над тем, что ты не можешь исправить, над тем, что с тобой сделали. Особенно если среди них нет твоего брата, а некоторых даже можно назвать симпатичными.

Добравшись до церкви, дети заняли свои привычные места. Пришел не весь приют, а только те коттеджи, которые исповедовались в это воскресенье. Сироты по одному заходили в исповедальню. Большинство сразу же выходили, бормоча «Аве, Мария» и «Отче наш», чтобы покаяться в грехах, совершенных делами и в мыслях. Несколько человек задержались подольше.

«Бедный отец», – подумала Фрэнки, надеясь, что он выпил утром кофе.

Фрэнки и другие девочки еще ничего не ели. Они позавтракают только после утренней мессы, то есть по меньшей мере через полтора часа. Направившись к исповедальне, Фрэнки прижала руку к бурлящему животу. Усевшись внутри, она задержала за собой занавеску.

– Благословите, отец, ибо я грешна. С последней исповеди прошла неделя.

Она плохо видела его сквозь решетку, но слышала, как он шуршит страницами Библии.

– «Блажен муж, который не ходит на совет нечестивых, и не стоит на пути грешных, и не сидит в собрании циников»³, – прочитал отец Пол.

Фрэнки не знала, кто такие циники, но из-за сильного ирландского акцента отца это слово звучало не так уж плохо.

---

³ Пс. 1: 1.

– Тебе есть в чем исповедаться? – спросил он.

От голода Фрэнки, как правило, становилась остра на язык. Ей даже захотелось вернуть ему вопрос: «А вам есть в чем исповедаться, отец?» Но на самом деле для этого она была слишком богобоязненна – и слишком замучена. Она подумала, не рассказать ли ему про упоминание имени Бога всуе или что плохо думала о младшей сестре. Это то, чего он от нее ждал.

Но вместо этого она произнесла:

– У сестры Джорджины лицо как у мумии. Только мумия симпатичнее.

Я улыбнулась со своего места на потолке. Фрэнки поморщилась. Во-первых, потому что это была детская выходка, грех такое говорить вслух. Во-вторых, потому что ей, наверное, придется тысячу раз повторить «Аве, Мария».

Но отец Пол ничего не сказал насчет «Аве, Мария». Он рассмеялся лающим смехом, похожим на кашель.

Фрэнки наклонилась ближе к решетке.

– Отец, с вами все хорошо?

– Просто в горле запершило. Что ты сказала?

– Она сегодня утром столкнула меня с кровати. Она всегда сталкивает меня с кровати.

Фрэнки потянула себя за волосы и тут же одернула себя.

– Было время подъема? – уточнил отец.

– Да.

– Вот видишь. Неужели ты думаешь, что выказываешь христианское уважение к сестре Джорджине, называя ее... э, как?

– Мумия. Только мумия...

– Симпатичнее, – добавил он. – Теперь до меня дошло.

Он опять закашлялся.

– И ты искренне раскаиваешься?

Фрэнки не знала. Может, и раскаивалась. Может, если бы она не говорила плохо о монахини, та не поступала бы с ней плохо. Едва ли это так, но разве можно винить Фрэнки за такой ход мыслей? Она понятия не имела, что сестра Джорджина не любит отца Пола только потому, что он из Ирландии. Фрэнки понятия не имела, что, по мнению очень многих людей, можно быть выходцем из правильного или неправильного места.

Приют принадлежал немецкой католической церкви, и сестра Джорджина была немкой даже в большей степени, чем немцы. На уроках иностранного языка Фрэнки узнала, что немецкое слово «белка» буквально переводится как «дубовый круассан».

Вот на что похоже лицо сестры. На круассан.

– Да, – проговорила Фрэнки, – я искренне раскаиваюсь.

– Ну хорошо. Что-то еще?

– Еще я плохо думала о ней.

– О ней? – переспросил отец Пол. – Это о ком?

Фрэнки покраснела и обрадовалась, что ее не видно за решеткой.

– О... подруге моего отца.

Фрэнки не пришлось объяснять. Хотя в приюте Ангелов-хранителей девять сотен сирот, отец Пол, похоже, знал о жизни всех до единого.

– И что ты о ней думала?

– Хотела, чтобы она уехала на Северный полюс. Или на Южный. На тот, где холоднее. И где живут медведи. Голодные. С большими зубами.

Отец прочистил горло.

– Когда-нибудь она может стать твоей мачехой. Некоторые юные леди были бы рады иметь мачеху, которая о них заботится.

– Она ненавидит меня сильнее, чем сестра Джорджина.

– Уверен, что это не так. Насколько я знаю, они с твоим папой все время тебя навещают. Фрэнки ничего не сказала.

– И приносят подарки, каких нет у других девочек. Ты должна научиться ценить то, что дал тебе Господь. Отца, который любит тебя. Новую маму.

Фрэнки ответила так резко, словно ее ударили ремнем:

– Моя мама умерла.

– Твоя мама с Господом. В лучшем месте.

Я надеялась, что мама Фрэнки была с Господом. Правда надеялась. Надеялась, что они с Господом вместе едят кофейные пирожные. Однажды я призналась собственной маме, что считаю Бога женщиной, потому что кто, как не женщина, будет так заботиться об океанах, растениях и животных, кто, как не женщина, может сотворить целый мир за семь дней? Мама дала мне такую сильную пощечину, что у меня несколько часов в ушах звенело, словно там били церковные колокола.

Вот еще о чем Фрэнки не думала: о кофейных пирожных. Потому что никогда их не ела, что следовало бы считать своего рода грехом, хотя это и не грех. О церковных колоколах, о том, сколько времени ушло на создание всех этих гор и деревьев, акул и китов, медведей и волков. Нет, Фрэнки была слишком занята, представляя, как одинока была ее мама, когда сошла с корабля, приплывшего из Сицилии, и думая о том, что вообще заставило ее сестру на этот корабль; какая понадобилась смелость, чтобы самой пересечь океан. Что же ее мама так сильно ненавидела дома и по чему скучала, когда оттуда уехала?

Фрэнки опять положила руку на живот. Я вспомнила, как тоже делала так, вспомнила, что ощущения могут быть такими сильными, словно внутри бурлящий котел. Матери Фрэнки было всего шестнадцать, когда она приехала в Америку строить собственный новый мир, за который и умерла.

Но Фрэнки только разгладила платье.

– Отец, как вы думаете, на Небесах есть сандвичи с тефтелями?

«Кофейное пирожное, – сказала я, паря под потолком. – И много коричневого сахара».

– Я всегда представлял, что там есть говяжья солонина, – ответил отец Пол. – Но, полагаю, тефтели тоже могут быть. Десять раз «Аве, Мария». Благодарю Господа за его доброту.

– Да пребудет милость Его во веки веков, – произнесла Фрэнки.

Когда она наконец уселась на скамье рядом со Стеллой, та поинтересовалась:

– Почему ты так долго?

– Рассказывала обо всех твоих гадостях.

– Что?

Сестра Джорджина бросила на них взгляд «не заставляйте меня подходить». Фрэнки сложила руки и принялась молиться – но делала она это, только чтобы сестра не вытолкала их вон из церкви. Такое уже случалось.

Должно быть, сестра слишком устала, переворачивая матрасы, чтобы выталкивать детей из церкви. Поэтому к окончанию исповеди ни у кого и волоса с головы не упало. Остальные мальчики и девочки молчали, как куклы, когда монахини обвели их взглядом, который Фрэнки называла грозным. Ей надоело смотреть на отца Пола. Во время мессы он был совсем не таким, как на исповеди. Отвернувшись от прихожан, он бубнил на латыни об аде, огне и сере, геенне, преисподней и грешниках. Из-за его певучего ирландского акцента латинские слова звучали менее пугающими, хотя он делал это не нарочно. Все в церкви были уверены, что будут гореть за что-нибудь в аду. И нет нужды об этом напоминать.

Фрэнки полагала, что никакой отец не может сказать ничего такого, что удивило бы ее.

Она ошибалась.

Как можно старательнее изображая ирландский акцент, я проревела прямо Фрэнки в ухо: «Ад! Огонь! Сера!»

Она даже головы не повернула.

Проповедь мне наскучила, я вылетела из церкви во двор и остановилась посреди завесы падающего с неба дождя со снегом, который не мог ко мне прикоснуться, не мог заморозить или намочить. На верхних этажах общежитий от окна к окну металась тень. Перелетала слева направо, пока призрачная девушка с разбитым лицом не выскочила сквозь оконную раму, не расколов стекла. Она рухнула на землю, крича: «Нет, пожалуйста, подождите!»

Понимаете?

Ад – это не то, что вы думаете.

Ангелы из крови и камня

Оставив всех в собственных версиях ада, я решила навестить ангела посреди двора. Высеченная из белого мрамора, с раскинутыми огромными крыльями, она стояла на трехъярусном каменном постаменте, как украшение на свадебном торте. Ангел держала за руку маленькую девочку, а рядом с ней сидел мальчик, читающий книгу. Монахини говорили сиротам, что статуя присматривает за ними, оберегает их. В хорошую погоду дети собирались вокруг нее, рассаживаясь на постаменте, как и многочисленные птичьи стаи. Но сейчас сироты были в церкви, и дождь со снегом падал серебристой завесой, так что статуя находилась в моем полном распоряжении.

Расположившись на камне у ее ног, я стала рассказывать обо всем, что видела утром: от голодных младенцев до Фрэнки, которую сбросили с кровати, и девушки с разбитым лицом. Ангел была моей исповедницей; отцу Полу я бы ничего не рассказала, даже если бы могла. Я видела отца Пола в полосатой пижаме, свернувшегося в кровати, как ребенок. А если вы видели кого-то в полосатой пижаме, свернувшегося, как ребенок, сдвигающимися под веками глазами, трудно думать о нем как о человеке, которому можно доверить свои самые сокровенные тайны и величайшие грехи; как о человеке, который может дать вам отпущение. Наверное, грешно осуждать пижаму священника, поэтому я покаюсь и в этом. Затем я, как всегда, сказала ангелу, что люблю ее крылья и хочу знать, как получить собственные.

«Как ты стала ангелом? – спросила я. – Как ты отсюда выбралась? Почему я здесь? Разве я мало заплатила?» Я ждала ее ответа, хоть это было глупо и невозможно. А потом глупым и невозможным мне показался весь мир: разве ангелу трудно дать небольшой совет? Не думаю, что я так много прошу.

«Это твоя проблема, ты никогда не думаешь, что просишь слишком много», – произнес чей-то голос. Он принадлежал не ангелу, моей матери и звучал у меня в голове. И сетовал так, будто мы обе по-прежнему живы. «Ты никогда не думаешь ни о ком, кроме себя, никогда!» Я проигнорировала голос и рассказала ангелу о сэндвичах с тефтелями, говяжьей солонине и кофейных пирожных на Небесах. Тоже невозможные вещи. Ангел не стала возражать.

Когда я надоела ангелу, а она – мне, когда ее прекрасная улыбка стала больше напоминать усмешку, я покинула двор. В детстве я слышала о привидениях или, скорее, о местах, где они появляются: старых домах, кладбищах, темных ночных дорогах. Девочки в коттедже Фрэнки по-прежнему шептались о воскресшей Мэри, прекрасной девушке в белом, которую сбила машина, когда она возвращалась домой с танцев в «Уиллоубрук Бол рум», что в пригороде Чикаго. Говорят, теперь она идет на северо-восток по Арчер-авеню, пока ее не подбирает к себе в машину какой-нибудь ничего не подозревающий молодой человек. Она всю дорогу молчит, а когда они проезжают мимо кладбища Воскресения, исчезает.

И тем не менее, в отличие от многих других, я не брожу по кладбищам. Ладно, я брожу не только по кладбищам. Я спускалась на лодке по реке Чикаго, объехала на поезде вокруг всего Чикаго-Луп, а на автомобилях – каждый дюйм в городе и за его пределами. Я ходила куда хочу и когда хочу.

Но есть у меня и любимые места. Гуляя по кладбищу Святого Генриха и приветствуя могилы: «Здравствуйте, леди, здравствуйте, джентльмены», – как-то раз я прошла сквозь кованую ограду на улицу. Миновала приютскую оранжерею и лавку «Ангельские цветы», где мальчики из приюта выращивают цветы, срезают, собирают в букеты и продают. Дальше находятся лавка мясника и хозяйственный магазин на углу. Поскольку было воскресенье, улицы заполняли люди, надевшие под пальто лучшую одежду для церкви. Они держались за воротнички и шляпы и ежились от дождя со снегом. Они не обращали внимания на двух мужчин с покрытыми морщинами и сажей лицами, которые распивали на крыльце бутылку, смеясь сквозь

испорченные зубы. Мимо с грохотом проехала большая машина, забрызгав хорошо одетого джентльмена на тротуаре. Пострадавший потряс кулаком, но машина не притормозила ни ради мужчины с кулаком, ни ради лежащей посреди улицы растерзанной женщины, чьи руки и ноги переломились во многих местах. Интересно, сколько раз она умерла? Два? Двести? Через несколько секунд женщина соскреблась с асфальта и пронеслась мимо меня – огромный розовый паук, убегающий по тротуару.

Я оставила женщину-паука и продолжила свой путь то пешком, то по воздуху. Магазины, многоквартирные дома, наглухо закрытые решетки превращались в размытые полосы. Я неслась вдоль тротуаров и плыла по улицам, пока не добралась до одного из своих любимых мест – побережья озера Мичиган. Озеро было таким красивым, особенно подернутое блестящей вуалью мокрого снега... А вода и воздух – полны тайн. Я села на песок и стала наблюдать за взмахами русалочьих хвостов над спокойной гладью. Опять ворвался голос мамы: «Русалок не существует! Брось эту сказочную чепуху». Но я заткнула уши пальцами и запела так, как, по моим представлениям, поют русалки: бессловесное гудение, от которого вибрирует в груди, достаточно сильное, чтобы нарушить течение. И хотя я не могла ощущать ни песка под собой, ни вибрации, я представляла, что моя русалочья песня привлекает в воду ничего не подозревающих мальчишек, которых ждет счастливый и восхитительный роковой конец.

«Хватит, я брошу эти непристойные книжки в огонь. Ты выйдешь замуж за Чарльза Кента и будешь благодарна, слышишь меня? Ты меня слышишь? Слушай...»

«Слушайте», – сказала я мокрому снегу, песку, воде.

Слушайте.

Слушайте.

Слушайте.

* * *

Когда я вернулась в приют, месса закончилась, и Фрэнки с остальными девочками ушли в убогое помещение, которое монахини называли столовой. Каждая девочка получила чашку «постума»⁴ и кусочек хлеба со смальцем. Как бы Фрэнки ни была голодна, она не могла есть этот хлеб и этот жир. Хлеб был черствым, смалец – густым и липким. Другие девочки без умолку болтали о новенькой, которая неделю назад выбросилась – или ее вытолкнули? – из окна второго этажа и разбилась. (Никто из девочек не знал, что эта бедная душа сейчас стоит прямо здесь, у стола, и рвет на себе окровавленные волосы.) Фрэнки отдала свой хлеб другой девочке со странным именем Лоретта, которая ела все. Лоретта завернула хлеб в салфетку и спрятала в карман. Позже, во дворе, она тайком от монахинь вытащит его и съест.

Как раз этим Лоретта и занималась: глодала скользкий, жирный хлеб, когда другие девочки уговаривали Фрэнки поиграть в мяч. Она могла подавать сильно и далеко и бегала как угорелая кошка, но у нее не было настроения, хотя дождь со снегом наконец прекратились. Вместо игры она взобралась на горку для катания, чтобы посмотреть через ограду. Двор был разделен на две половины: мальчики – в одной, девочки – в другой. За исключением дней посещений и, возможно, походов в церковь, Фрэнки могла видеть брата только с вершины этой горки. И хотя позже днем они встретятся, она хотела глянуть на него сейчас. Он рос так быстро и так сильно менялся, что порой, когда входил в комнату для посещений, она его не узнавала. Это пугало ее, непонятно почему.

Вот он, среди стайки мальчишек, которые почесываются, как собаки, из-за колючих шерстяных штанов. Если Вито и увидел Фрэнки, он понимал, что нельзя ей махать. Другой мальчик этого не знал. Только он поднял руку, как к нему подскочила монахиня и отвесила такой

---

⁴ Популярный в те годы заменитель кофе.

подзатыльник, что Фрэнки удивилась, как у него глаза не выскочили на асфальт. Она не хотела, чтобы мальчишки махали ей, пока не отрастут волосы, и не хотела никого подвергать неприятностям. Она развернулась, чтобы слезть, но на лестнице кто-то стоял. Тони.

Хотя Тони была всего на год младше Фрэнки, виделись они редко, потому что жили в разных коттеджах. Это вполне устраивало Фрэнки. Ее сестра была почти такой же самовлюбленной, как и Стелла Заффарио. И Тони не волновало, если она подвергала кого-нибудь неприятностям. Она помахала мальчишкам, словно подавала знак.

Фрэнки ткнула ее локтем в колено.

– Прекрати!

Тони уронила руку.

– Ты мне ногу оторвешь!

– Уж лучше голову!

Тони опустила руку позади Фрэнки на костлявые коленки, уткнувшись ими в спину сестры.

– Ты просто злишься, потому что у меня есть парень.

– Тот мальчишка? Он еще ребенок. Вы оба еще дети.

– Да ты ревнуешь.

– А ты дура. Я злюсь не потому, что ты считаешь, будто у тебя есть парень. Я злюсь потому, что каждый раз, когда у тебя неприятности с монашками, у меня – тоже.

У Тони хватило совести покраснеть.

– Я не виновата.

– Еще как виновата.

Непонятно, как это удалось Тони, но однажды она улизнула с мальчишкой. Отец Пол нашел их в кондитерской на другой стороне улицы: они пили лимонад из одного стакана через две соломинки. Хотя отец и монахини так и не выяснили, что именно натворила Тони с тем мальчишкой, девочку беспощадно выпороли. А потом сестра Джорджина заставила Фрэнки вымыть все раковины в ванной, хотя та ничего не натворила ни с каким мальчишкой. Пока что.

Вскоре после того сестра засекала Фрэнки, когда та корчила рожи у нее за спиной и трясла пальцем, как делала сестра Джорджина, когда на что-то сердилась. Это было уже после отбоя, и Фрэнки намотала волосы на примитивные бигуди. Сестра Джорджина обрезала все до единой кудряшки. Она бросала их по одной в помойное ведро, где те плавали, как мыши, которых иногда находили утонувшими в туалете.

– Монашки рассказали папе о твоём так называемом парне? – спросила Фрэнки.

С лица Тони пропала усмешка.

– Думаешь, расскажут?

– Ага. А если не они, то я.

– Если хочешь, чтобы я молчала, когда у тебя появится парень, держи рот на замке, – предупредила Тони.

Фрэнки подумала, что, когда у нее появится парень, ей хватит ума не сидеть с ним в кондитерской у окна, где их кто угодно может увидеть.

– Идем, – сказала она. – Скоро время посещения.

– Интересно, что папа хочет нам сказать, – заметила Тони. – Думаешь, у него появилась квартира побольше?

– Нет, – ответила Фрэнки и отпихнула колени сестры, чтобы заставить ее пошевеливаться.

Они спустились по лестнице. Некоторые сироты пойдут в комнату для посещения, чтобы повидаться с отцами и матерями, тетями или какими-нибудь дальними родственниками, проявившими к ним участие. Остальные будут играть в карты или слушать радио. Они никогда не выглядели счастливыми, эти дети, которых никто не смог – или не хотел – навестить. Фрэнки решила не злиться на Тони.

По крайней мере сегодня.

* * *

Пока они ждали отца в комнате для посещений, Тони сидела как на иголках. Фрэнки пришлось прижать рукой колени сестры, чтобы та не раскачивала под ними скамейку. Но собственные колени Фрэнки тоже пытались дергаться против ее воли. В кармане у нее лежал новый рисунок – по ее мнению, почти лучшая из всех работ. И хотя Фрэнки не позволяла себе слишком надеяться, ей не терпелось показать его отцу. Чтобы увидел, как хорош ее рисунок. И чтобы похвалил.

Через пару минут пришел Вито, держа в руках свернутую кепку и все еще почесываясь из-за колючей шерсти.

– Привет, девчонки!

Он сел рядом с Фрэнки и притих. Раньше он никогда не был такими тихим. В последнее время он вел себя так, словно находился в миллионе миль от сестер и стал для них слишком взрослым. И Фрэнки опять рассердилась.

– Почему ты не помахал мне?

– Ты хотела, чтобы меня тоже побили? – буркнул Вито. – Или чтобы меня остригли, как тебя?

Он сказал это беззлобно.

– Тебе бы это больше пошло, – пробормотала Фрэнки, дергая себя за волосы. Опять.

Вито улыбнулся.

– Ну, ты выглядишь и вполтину не так плохо, как следовало бы.

– Нет, она выглядит вдвое хуже, – сказала Тони и хлопнула в ладоши, как маленькая из Дома малютки. – Папочка!

Вот он, идет через огромную комнату. На нем черный костюм и длинный шерстяной плащ, который развеивается сзади, словно какая-то накидка. Сдвинутая набок шляпа, смуглая кожа и черные глаза делают его похожим на кого-то из знаменитых актеров, о которых вечно болтает Стелла Заффаро: может, на Тайрона Пауэра?.. Ему пришлось пройти через толпу детей, ждущих собственных родственников, и Фрэнки заметила, что некоторые девочки постарше наблюдают за ним, одергивая юбки, словно могут обратить на себя его внимание, только если у них будут ровные подолы. Фрэнки хотела запомнить их лица, чтобы потом подбросить им в постели какую-нибудь гадость. Но все же не стала этим заниматься, потому что учуяла запахи тефтелей и свежего хлеба. Отец шел прямо к ним с большой сумкой еды, посрашив всех присутствующих в комнате.

– Привет! Привет! – обратился к ним отец.

С его свободной руки свешивались зеленые туфли, прекрасные женские туфли на хорошем каблучке. Фрэнки была уверена, что это для нее. Наверное, следовало слушать отца Пола, сказала она себе. Наверное, следует радоваться тому, что тебе дают.

И тут Фрэнки заметила, что находится за спиной отца. Точнее, кто. Повисла на нем, словно он – ее собственность. И Фрэнки больше не видела, что ей дают. Она видела только то, что у нее отнимают.

На луну

Вот что я знала о своей маме. У нее были кремово-белая кожа и безупречная осанка. Ее волосы поседели к двадцати пяти годам. Сердясь, она крепко сжимала губы, словно зашитые. Ее самым ценным украшением был набор обручальных колец с жемчужинами и бриллиантами, которые она носила на левой руке. Я часто просила дать мне их примерить. Она говорила, что день, когда мой отец надел эти кольца ей на палец, был самым счастливым в ее жизни, и она никогда их не снимет.

– Даже когда умрешь? – спросила я.

Ее лицо потемнело как грозовая туча.

– С тобой что-то не так.

Вот что Фрэнки знала о своей маме. Ее звали Катерина Коста. Она приплыла на корабле в Америку с Сицилии в 1918 году. Она ни слова не знала по-английски и не знала здесь никого, кроме троюродной сестры, у которой могла пожить, пока не найдет работу. Но вместо этого она встретила сапожника, отца Фрэнки, и вышла за него замуж. Они жили в квартире за обувной лавкой. Она родила троих детей: Витторио, Франческу и Антонину. Они сделали ее такой счастливой! Вот почему все были потрясены, когда она достала из ящика стола в лавке пистолет, который отец держал на случай, если залезут грабители. Потрясены тем, что она выстрелила в комнате, где они спали, и случайно ранила отца Фрэнки. Но она только хотела посмотреть, как нажимать на курок, – вот что она сказала отцу Фрэнки, что отец Фрэнки сказал тете Марион, что тетя Марион сказала Вито и что Вито сказал Фрэнки. Их мать никого не хотела застрелить, она никогда бы не совершила такого греха. Отец Фрэнки выбросил пистолет и отдал детей в приют Ангелов-хранителей, чтобы их мама могла отдохнуть. Через некоторое время она оправилась, и все вернулись из приюта. Родители пытались завести еще одного ребенка, но мама Фрэнки умерла, и младенец – тоже.

Когда Фрэнки была маленькой, она расспрашивала об этом Вито так часто, что ему надоело.

– Ее больше нет, – сказал он. – Папа должен работать, и тетя Марион – тоже. Мы пока живем в приюте. Я больше не хочу говорить о маме.

Но Фрэнки по-прежнему хотела говорить о ней. Поэтому она рассказала эту историю Тони, добавив деталей для красочности. Сказала, что видела портрет мамы: та была красивой, с длинными темными кудрявыми волосами. С большими шоколадными глазами и загорелой кожей. Ее смех звучал как колокольчики в рождественских песнях, которые передавали по радио. Ее изящные руки порхали как бабочки, когда она говорила. Фрэнки сказала, что мама любила их больше всего на свете. И даже когда она держала пистолет, чтобы проверить, как нажимать на курок, она хотела, чтобы ее дети были счастливы. Она всегда хотела только этого.

Сейчас в заполненной людьми комнате для посещений, где звучали принужденные приветствия, болезненно бледная женщина, которая не была мамой Фрэнки, протягивала совершенно не порхающую руку. На ней не было никаких жемчужин и бриллиантов, только тонкое серебряное кольцо на безымянном пальце.

Фрэнки знала, что это такое. Разумеется, знала.

Она сложила руки на груди.

– Что это?

Женщина посмотрела на Фрэнки, словно та была тупа как пень.

– Обручальное кольцо, Франческа.

Женщина подождала, может, думая, будто кто-нибудь из детей скажет что-то более умное: «Ого! Поздравляю! Шикарное кольцо!».

Но они молчали. Все трое уставились на отца. Он положил на стол коричневую сумку и начал выкладывать ее содержимое: завернутые в газету сэндвичи с тефтелями, яблоки, домашнее арахисовое печенье, твердое и с такими острыми краями, что могло оцарапать небо, но все равно вкусное. Другие семьи пялились на всю эту замечательную еду, едва не высунув до земли языки.

Фрэнки же собственный язык казался куском кожаного ремня. Язычком ботинка.

Наконец Вито сказал женщине:

– Поздравляю.

И, наклонившись, слегка поцеловал ее в щеку.

– Спасибо, Вито, – ответила она.

Он стал слишком взрослым для сестер. Фрэнки крепче сжала на груди руки. Она ни за что не поцелует эту женщину, ни за что. Да у нее губы отсохнут и отвалятся! И будет она без волос, без рта и вообще непонятно на кого похожая.

Кстати о волосах.

– Франческа, у тебя были вши? – поинтересовалась женщина.

– Нет, – ответила Фрэнки.

Женщина выгнула дугой бровь, как это делала Стелла, когда репетировала перед зеркалом актерскую мимику. Кровь прилила к щекам Фрэнки.

– Я просто захотела короткую стрижку.

– О, – произнесла женщина, – ну, это...

– Ужасно, – сказала Тони. – Она выглядит как лишайная.

– Э-э-э... как?

Она – Ада, их новую мачеху зовут Ада, – похоже, никогда не понимала, о чем они говорят. Или притворялась, что не понимает.

– С лишаем, – пояснила Тони. – Только если бы она была лишайная, ей на голову натянули бы носок с лекарством от лишая. Так что, будем есть?

Ада сморщила губы, так что они напомнили мокрую бумагу.

– Кажется, мне больше не хочется есть.

Отец улыбнулся широко и ослепительно, как ни в чем не бывало, словно ничего не изменилось. Не обращая внимания на сложенные руки Фрэнки, он обнял ее и погладил почти наголо стриженный затылок.

– Bella! – сказал он. – Bella!

Фрэнки когда-то знала итальянский, говорила на нем до трех лет. Теперь же помнила лишь несколько слов, в том числе это. Ей захотелось плакать.

Отец обнял Тони и хлопнул по спине Вито.

– Свадьба – хорошая новость, а? Все счастливы?

Тони чужое счастье не интересовало, только собственное.

– Папочка, эти туфли мне?

– Франческе. А для тебя вот это.

Порывшись в сумке, он вручил Тони книжку бумажных кукол с фигуристкой на обложке.

Девочка завизжала, словно ее ткнули вилкой.

– Соня Хени! Папочка, спасибо!

Фрэнки пожалела, что у нее нет вилки. Тони такая дура, у нее в голове сплошная каша. Сбегать с мальчишками! Играть бумажными куклами! Тони не может определиться, восемнадцать ей или восемь. Фрэнки ткнула ее локтем, но Тони пихнула в ответ.

Папа подвинул туфли к Фрэнки.

– Надень.

Фрэнки не хотела – не перед ней, – но все же скинула старые туфли и обула новые. В отличие от других сирот, которые ходили в поношенной благотворительной обуви, растоптанной

под чужую ногу, Фрэнки, ее брат и сестра носили новую, которую отец делал специально для них. Как всегда, туфли были превосходны – более чем превосходны, изящны и женственны, отчего Фрэнки стало только хуже. Она прошла перед отцом взад-вперед. Туфли казались тяжелыми, как кирпичи.

– Папочка, – захныкала Тони, которой уже надоела бедная Соня Хени, – я есть хочу.

Отец разломал на куски арахисовое печенье и раздал всем. Затем снял плащ и повесил на спинку стула, достал из сумки нож и принялся резать сандвичи.

Фрэнки сунула в рот печенье, и оно показалось ей камнем. Тони с жадностью ела свое, рассыпая крошки сахара и арахиса. Вито хмуро смотрел на свой кусок, будто не знал, что это такое.

Тони потянулась за его печеньем.

– Если ты не будешь...

Темные глаза Вито вспыхнули, и он отнял свою долю у Тони.

– Уймись.

– Не надо драться, – вмешался отец. Учítывая его акцент, это прозвучало примерно так: «Не на-ада дра-атса». – Всем хватит.

Разгладив газету, он положил на нее нарезанные сандвичи и жестом пригласил садиться за стол. Все взяли по куску и начали есть. Говорили мало. Томатный соус капал с подбородка Тони, словно кровь, но она этого не замечала. Тефтели оказались вкусными, как обычно, но желудок Фрэнки будто был задраен наглухо, как субмарина. Наконец она сдалась и, оторвав кусок газеты, завернула в нее свой сандвич.

– Надеюсь, ты не собираешься выбросить его через ограду, – сказала Ада.

Когда-то у Вито была привычка выплевывать скверную приютскую еду в носовой платок, завязывать в узел, приходить после ужина во двор и швырять платок через ограду. Пока кто-то не заметил странную кучу носовых платков на девчачьей половине двора. Какая-то смелая монахиня развязала один из платков и обнаружила на ткани имя Вито и номер его коттеджа. После того как монахини с ним разобрались, Вито не мог сидеть несколько недель – сказал, что били ремнем с тяжелой пряжкой. Затем они рассказали все отцу, и тот пустил в ход кулаки. По словам Вито, это было гораздо хуже, чем любое наказание монашек.

Фрэнки плотнее замотала сандвич.

– Я съем потом.

Тони вытерла подбородок тыльной стороной руки.

– А я съем сейчас.

У Ады дернулись губы.

– Антонина, ты совсем не заботишься о своей фигуре?

По лицу Тони пробежала тень.

Фрэнки стиснула зубы так, что они заболели.

– Вот, – сказала она, положив свой сандвич перед сестрой, – можешь есть, Тони.

Но до девочки уже дошло, что имела в виду Ада, и она подвинула сандвич обратно.

– Мне хватит.

– Нет, возьми.

– Я не хочу.

– Бери же, – настаивала Фрэнки.

Тони встряхнула кудрями, притворившись, что ей все равно.

– Ешь сама. Ты и так слишком худая.

– Девочки, девочки, – произнес отец, – перестаньте, а!

За спиной отца, через несколько столов от них, плакала женщина. С ее волос капала вода. Я видела ее раньше, и Фрэнки тоже. Она появлялась раз в пару месяцев, всегда в одном и том же неопрятном пальто, таком большом и длинном, что налезло бы на мужчину. Иногда она пела,

иногда разговаривала сама с собой, иногда рыдала. Сегодня у нее под пальто была только грязная зеленая блузка, не скрывающая рыхлой водянисто-белой плоти. Девочка пыталась заставить ее застегнуть пальто и прикрыться, но женщина отбрасывала ее руки. Этой девочкой была Лоретта, которой Фрэнки отдала свой завтрак, единственная, кому нравился тот скользкий, жирный хлеб. Женщина посмотрела прямо на нас, на меня, и завывала еще громче, как сирена. Тут же подошли две монахини и увели ее. Лоретта осмотрела себя, теперь такую же мокрую, как и та сумасшедшая.

– Надо сфотографироваться, – сказал отец Фрэнки.

Хотя Ада качала головой, только что пристыдила Тони, не нравилась Фрэнки – не понравилась с первого взгляда, – девочка думала: может, не так уж и плохо, что они поженились. Может, у них появится новая квартира, в которой найдется комната на двоих с Тони. Может, даже отдельная комната для нее.

«Ты будешь благодарна», – произнес голос у меня в голове.

Сфотографировав, отец взял Фрэнки за руку и похлопал по ладони.

– Ты так выросла. Это хорошо. Позаботься о сестренке.

Она всегда заботилась.

– Ладно.

– Монахини не хотят, чтобы Вито и дальше здесь жил. Слишком много платков за оградой, – с улыбкой сказал отец. – И с работой у меня здесь не заладилось. Так что я подумываю о переезде. Может, в Колорадо будет неплохо. Свежий воздух.

– Колорадо? – переспросила Фрэнки.

Слово перекатилось у нее во рту как стеклянный шарик. С таким же успехом он мог сказать: «Может, в Стране чудес будет неплохо. Или, может, на Луне».

– С посещениями будет сложновато, – продолжал он. – Буду писать письма. Каждую неделю.

– Что?

Она не поняла. Туфли, еда, Ада с кольцом – что происходит? Фрэнки посмотрела на Вито. Он стоял вытаращив глаза, тоже не знал. Отец убрал со стола и сунул нож под плащ с видом человека, готового сорваться с места.

Ада извинилась и исчезла в толпе людей. В дни посещений они чаще всего вообще не видели Аду: она гуляла с собственными детьми. Однако сегодня все было иначе. Она ушла, но ненадолго. Всего через несколько минут Ада появилась в другом конце стола. Вокруг нее, словно стая ворон, собрались пятеро детей: две девочки и три мальчика, почти все ростом с Фрэнки и Вито. Каждый держал в руках потрепанный чемодан. Младшие казались смущенными, а старший мальчик, выше Вито, усмехался, словно ему на ум пришла шутка. Он помахал Фрэнки и скользнул по ней масляным взглядом.

Тони, которая отрывала наряды Сони Хени из книги, не дожидаясь, когда сможет взять ножницы, прекратила свое занятие. Сложив руки на столе, она спросила:

– Когда вы уезжаете?

– Скоро, – ответил папа и дал Тони и Фрэнки по яблоку.

Фрэнки взяла яблоко, чувствуя, что горло сжалось, как и желудок.

– Ты едешь в Колорадо? С Адой?

Отец кивнул.

Фрэнки показала на детей вокруг Ады, детей, которых она раньше не видела – да и не хотела видеть.

– Они едут с вами?

Он опять кивнул.

– И Вито.

Мальчик разинул рот, но не издал ни звука. Фрэнки не хотела это говорить, не должна была говорить, но не сдержалась:

– А мы? Тони и я?

Отец встал и запахнул плащ.

– Я пришлю за вами.

– Когда?

– Я открываю новый магазин в Колорадо. Тяжелая работа. Не для девочек.

Фрэнки опять показала на Аду.

– У нее есть девочки.

Он не ответил, да в этом и не было нужды. Это девочки Ады. Фрэнки и Тони – девочки другой женщины. Девочки умершей женщины. Они Аде никто.

Подошедшая монахиня бросила под ноги Вито сумку – старую сумку, которую Фрэнки не помнила. На ней было его имя. Сестры уложили его вещи, благополучно избавившись от мальчика с носовыми платками. Фрэнки уставилась на Вито, а он – на нее. Он знал, что это нечестно, знал, что она его за это ненавидит. Она хотела быть мальчиком. Хотела быть кем-то, кого хотят.

Фрэнки думала, что готова ко всему, но кто может быть готов ко всему? Она сидела ошеломленная, пока остальные еще с полчаса болтали о Колорадо. Она заставила себя поцеловать на прощание отца и взяла с него обещание писать. Затем обняла Вито так же крепко, как ненавидела его, а потом стиснула еще крепче, дав понять, что когда-нибудь ненависть пройдет. Потом она с младшей сестрой Тони смотрела, как их отец, брат, Ада и ее ужасные дети уходили, растворялись в прыгающем море голов и лиц, словно еще несколько привидений.

Фрэнки села обратно за стол. Тони опять занималась бумажными куклами, но теперь отрывала руку Сони Хени. В кармане Фрэнки лежал рисунок, который она так и не показала отцу. Девочка достала его и развернула. На нем была изображена ее мама, такая, какой Фрэнки всегда ее представляла. Хороший рисунок, лучшая ее работа.

Фрэнки смяла его в кулаке.

Нет нужды, чтобы кто-то грозил ей в церкви громом и молниями. Земля уже разверзлась и поглотила ее целиком.

Тони оторвала Соне голову. Прощай, Соня, приятно было познакомиться.

Лоретта все еще сидела на скамье, откуда увели плачущую леди. Она то подносила руки к лицу, то опускала их на стол. Лоретта не знала, что делать с руками, не знала, что делать дальше. Монахини забыли о Фрэнки и Тони, забыли о Лоретте. Казалось, что это из всего самое худшее. То, что монахини тоже могут забыть.

– Эй, Лоретта! – позвала Фрэнки.

Девочка обернулась. Фрэнки указала на место напротив себя. Лоретта подошла, но не села.

– Эта леди – твоя мама? – спросила Фрэнки. – Которая плакала?

Лоретта медленно кивнула, будто не хотела это признавать. Фрэнки не винила ее. Она подвинула завернутый сэндвич. Лоретта нахмурилась, словно боясь, что Фрэнки пытается ее надуть, но, увидев, что это, тихонько охнула.

– Ты уверена?

Та кивнула. Лоретта взяла сэндвич, откусила и начала жевать, прикрыв глаза. С усилием проглотив, она открыла глаза, такие необычные, словно новенькие пенни.

– В жизни не ела ничего вкуснее!

Лоретта откусила еще, затем еще. Фрэнки смотрела, как странная девочка ест последний сэндвич, принесенный отцом, пока не остались только крошки на промасленной бумаге. Одно из пятен на этой бумаге напоминало Иисуса Христа в профиль. Я ждала, что Фрэнки с Лореттой это заметят, но они не заметили.

Лоретта сложила промасленную бумагу с изображением Иисуса и довольно вздохнула.
«Ладно, – сказала я, – хоть кто-то благодарен».

Любимые места привидений

Я же не была довольной, не была благодарной.

После того как отец оборвал связи с приютом ради переезда на Луну, Фрэнки стала суровой и молчаливой. Неделями никто не мог пробиться через стену ее молчания, даже Тони, которая бесилась, плакала и рвала остатки бумажных кукол, словно разбились все ее мечты. А они действительно разбились. Фрэнки же загнала молчание глубоко внутрь, до самых костей, ее взгляд стал твердым от мудрости смирения. Я следовала за ней по приюту, крича: «Привет, крошка, доброе утро, конфетка!» Но если даже живые не могли до нее достучаться, то я – тем более.

Я слонялась по Чикаго, непоседливая и призрачная. До 1871 года город был деревянным: жилые дома, общественные учреждения, даже тротуары. А потом случился Великий чикагский пожар, уничтоживший три сотни человек, разрушивший восемнадцать тысяч строений и оставивший без крова треть горожан. После этого Чикаго возродился как город камня и кирпича. Было трудно найти деревянный дом среди каменных, но такие все же попадались. Я облюбовала среди моря кирпичных один крошечный голубой домик с облупившейся краской и мутными окнами.

Именно это и привлекло меня в нем – то, что он из дерева, что сильно отличается от окружающих зданий, что легко может вспыхнуть и быстро сгореть. Какие люди живут в таком доме? Какие люди привлекают такую опасность? Я подумала, что они могут быть, так сказать... родственными душами.

Они и были, но не в том смысле, какой вкладывала я.

Теперь я всегда могла входить в дом сквозь дверь или стены, но не стала так поступать. Может, я и призрак, но на чужую территорию не вторгаюсь. Я облетела вокруг дома и заглянула внутрь. Перед зеркалом стояла бледная девушка, тоненькая и прелестная, в одной комбинации. Она расчесала водопад блестящих черных волос, потерла губки-ягодки, пощипала высокие скулы, чтобы порозовели. Спустив бретельку комбинации, повернулась налево и направо, словно позирующая киноактриса. Шум сзади напугал ее, она натянула бретельку и, запрыгнув обратно в смятую постель, закрыла глаза и притворилась, что спит. Дверь спальни открылась, и, прихрамывая, вошел молодой человек с подносом. Несмотря на хромоту, он был широкоплеч, как боксер, русые волосы зачесаны вверх с чистого лба. Он уже переоделся в свободную белую рубашку, чистую, но с заношенными манжетами и воротником, и серые брюки, протертые на коленях. Ясно, что они не богачи. Но у них есть поднос с яйцами, тостами и кофе и сонные утренние улыбки друг для друга.

Ягодка сделала вид, будто только проснулась, и что-то пробормотала. Чтобы расслышать, мне пришлось бы пройти сквозь стену. Я могла это сделать – пройти сквозь стену, могла подслушать ее или его мысли. Но я осталась снаружи, где мне и полагалось быть.

Темноволосая девушка с губками-ягодками села на кровати, и молодой человек поставил поднос ей на колени. Он сдернул с еды салфетку, развернул и повесил на грудь девушки. Она рассмеялась и застенчиво потянула его вниз для поцелуя. Сначала поцелуй был легким, потом стал глубже. Я закрыла глаза, закрыла все чувства, которые позволяли мне ощущать этот невозможный мир и всех невозможных людей в нем.

Может, я и обречена наблюдать, но могу выбирать, на что смотреть.

Я отвернулась от окна. Среди деревьев, окружавших крохотный заросший сорняками огород, сидел рыжий лис и пристально смотрел в мою сторону. Я огляделась, но во дворе я была одна.

«На что ты пялишься?» – спросила я.

Лис продолжал смотреть. Многие животные видят то, что люди не могут. Видят кошки, собаки, птицы, белки – эти круассаны, обитающие на дубах, – и, полагаю, лисицы. На мгновение мне захотелось, чтобы это был волчонок. Я не прочь встретиться с волчком.

«Что? – спросила я лиса. – Чего ты хочешь?»

Лис тяжело дышал. Может быть, хотел есть. Все хотят есть.

«Ты никогда не думаешь, что просишь слишком много, никогда не думаешь ни о ком, кроме себя».

Если бы у меня было тело: кожа, которая может краснеть, мышцы, которые могут напрягаться, челюсть, которая может болеть, – я бы краснела, напрягалась, болела. Я сказала лису: «Похоже, что у меня есть еда? У меня ее нет. У меня нет для тебя ничего, понял?»

Внезапно лис повернулся, чтобы убежать. Может, тоже хотел выбирать, на что смотреть, и я смущала нас обоих.

«Хорошо, – сказала я, – возвращайся в лес. Тебя подстрелят, если будешь рыскать по дворам».

Лис улыбнулся мне понимающей улыбкой, говорящей, что у меня нет от него секретов, он знает, почему я здесь, знает, почему я вернулась, знает меня лучше, чем я сама. Но этого он не знал, не знал.

И, прежде чем я опять на него закричала, он исчез в кустах.

* * *

Дорогая Фрэнки.

привет, Чикаго! Бьюсь об заклад, что там холодно. Но также бьюсь об заклад, что здесь еще холоднее. И гораздо тише. Тут лежит снег. Я знаю, ты считаешь, что в Чикаго выпадает много снега, но не в ноябре же! В Денвере уже столько снега, что ты просто не поверишь. Как будто Господь накинул на весь мир большое белое одеяло, чтобы навести порядок или заставить всех заткнуться. Иногда я стою на улице и слушаю тишину. Это немного необычно, но, думаю, в конце концов привыкну.

Наверное, ты удивишься, что я мало помогаю папе с новым обувным магазином. Он говорит, что ему хватает помощи мальчиков Ады и за ними нужно больше присматривать, чем за мной. Думаю, приют в чем-то оказался полезен, потому что благодаря учебе в «Хранителях» мне удалось получить работу в типографии. Платят неплохо, даже при том, что большую часть приходится отдавать папе. Я немного откладываю на сигареты и иногда на кино, так что дело того стоит. Работаю шесть дней в неделю и иногда по воскресеньям, но стараюсь по возможности выбираться в кино. В квартире не так уж тихо. Совсем не тихо. Слишком тесно с папой, Адой и всеми ее детьми. Девочки меня мало беспокоят, они просто немного избалованы. (Трудно представить их в приюте. Не знаю, как они там жили без новых илляпок каждую неделю!) Но с Томасом и Дейлом, старшими мальчиками, просто беда, а Дьюи хуже всех. Папа всегда старается призвать их к порядку и доказать, что он говорит на полном серьезе. Но я не хочу о них писать, да и ты точно не захочешь о них слышать.

Я получил твое последнее письмо и рад, что тебя наконец перевели в коттедж для старших девочек. Не слишком-то они торопились! Сестра Берт неплохая (для сестры). Как и твои подруги – Лоретта и другая с забавным прозвищем. Гекль? Странное имя для девчонки, моему, но откуда мне знать? А, и ты не можешь забыть эту Стеллу. Похоже, та еще воображала. Скажи ей, что она может писать мне, когда захочет. (Шучу.)

Я также рад, что ты скоро будешь работать на кухне. Это помешает тебе думать о плохом и развеет мрачное настроение. И, может, еда у тебя будет лучше, чем подают в столовке. Ты должна быть благодарна за все, что получаешь. (Пытаюсь об этом помнить, когда Дейл вытаскивает из моих карманов мелочь или съедает последнюю тефтелю.)

Тони так и не ответила на мое последнее письмо. Ты с ней виделась? Надеюсь, что она больше не убегает в кондитерскую. Передай ей от меня привет и скажи, что я велел не рыпаться. Она уже вляпалась в такое количество неприятностей, что хватит на обеих сестренек.

Папа передает, что скучает по вам и жалеет, что у него плохо получается писать письма. Он просил меня написать тете Марион, что я и сделал. Она прислала ответ, что придет к вам с Тони в следующий день посещений. Или через один, она еще не знает. Может, она не забудет принести вам что-нибудь особенное.

Ну вот, опять пошел снег, мне нужно выйти и расчистить дорожку перед магазином. Мне не нравится убирать снег, но тогда я, по крайней мере, могу посмотреть на горы. Здесь не так, как в Чикаго, но с горами полный порядок. Их видно почти отовсюду. Иногда я думаю взобраться на какую-нибудь. Можешь такое представить? Городской мальчишка на вершине горы! Наверное, надо спеть йодль.

Твой чокнутый брат Вито.

Фрэнки сидела в столовой с Лореттой и еще одной девочкой по прозвищу Гекль. Девчонки прекратили есть, ожидая доклада Фрэнки, словно Вито был не просто ее братом, а какой-то важной персоной или знаменитостью. Главным исполнителем. Генералом на войне, к которой все готовились – или которой избегали.

Фрэнки сложила письмо аккуратным квадратиком и опустила рядом со своей тарелкой. Каменное молчание, которое она хранила неделями, разбилось как по волшебству. Она стала одновременно и осторожнее, и безрассуднее. Девочкой, которая сложит письмо аккуратным квадратиком. Девочкой, которую больше никто не удивит; девочкой, которая будет удивлять сама.

– Так что в нем? – спросила Лоретта.

– Ничего особенного.

– Ну давай же, – сказала Гекль. Ее настоящее имя было Долорес Гекльберри.

– Он много пишет про снег в Денвере. Говорит, что горы можно видеть отовсюду и он подумывает взобраться на них.

– Ого! – вырвалось у Гекль.

Она никогда не видела брата Фрэнки и не слышала о нем, пока не познакомилась с Фрэнки, но вела себя так, словно почти влюбилась в него. И она мало что слышала о Денвере. Денвер для Гекль был все равно что Париж.

– Вито не будет взбираться ни на какие горы, – сказала Фрэнки. – Он работает семь дней в неделю.

– А что еще ему делать? – отозвалась Лоретта. – Я бы тоже работала семь дней в неделю, если бы пришлось жить со злой мачехой.

– Он никогда не говорил о ней ничего плохого.

– Если он не говорит ничего плохого, это не значит, что ему нечего сказать, – возразила Лоретта.

– А что плохого в том, чтобы выбраться из этой дыры и жить в Денвере? – спросила Гекль. Лоретта ударила ее по руке. Овсянка вылетела из ложки в лицо Гекль.

– Эй! Ты что? – воскликнула та, вытираясь.

Фрэнки ковыряла свою овсянку. Каша колыхалась в тарелке, словно живая. С тех пор как отец уехал, забрав брата, она старалась по возможности есть комковатые пудинги, мясистый пастернак и полусырое тушеное мясо, хотя это стало гораздо тяжелее, когда не мечтаешь о вкусах, которые принесут в дни посещений. Но сегодня, когда Тони хихикала со Стеллой Заффаро за соседним столом, словно у нее не было никаких забот, когда письмо Вито лежало

рядом и ему не хватало лишь рта, готового до бесконечности рассказывать о снеге, тишине и горах, Фрэнки не могла есть.

Гекль опять зачерпнула полную ложку.

– Фрэнки, когда ты начнешь работать на кухне, можешь проследить, чтобы нам давали еду получше этой?

Все девочки, переведенные в коттедж для старших, получали какую-нибудь работу в приюте. Большинство ждало этого с нетерпением, но Фрэнки сейчас трудно было чего-то ждать с нетерпением.

– А что не так с едой? – спросила Лоретта. – Мне кажется, все нормально.

– Ты бы даже подошву съела, – заметила Фрэнки.

– Если хочешь есть, то ешь, что дают, – сказала Лоретта. – А если не хочешь, я заберу. Фрэнки подвинула ей тарелку.

– Разве тебе не нужны силы? – спросила Гекль.

– На вкус как теплая слюна.

Лоретта стремительно работала ложкой, но от этих слов остановилась.

– Большое спасибо.

– На здоровье, – отозвалась Фрэнки.

– Так или иначе, мне нужны силы, – сказала Гекль.

– Для шитья? – уточнила Лоретта. – Боишься, что не поднимешь катушку ниток?

– Не понимаю, почему ты жалуешься, Гекль, – заметила Фрэнки. – Ты же любишь шить.

– Простыни и наволочки – это все, что тут шьют, – ответила девочка. – Кому понравится шить простыни с наволочками?

– Откуда ты знаешь? – спросила Лоретта. – Ты еще даже не начала работать. А как бы тебе понравилось работать со мной в прачечной? Помнишь, как пару лет назад у одной девочки рука попала в каток для белья?

Гекль содрогнулась.

– Я слышала, руку передавило, как сосиску.

– То-то же. Прекрати жаловаться. Самое худшее, что с тобой может случиться, – это уколешься иголкой. А Фрэнки может отхватить себе всю руку мясницким ножом.

– Спасибо, – сказала Фрэнки.

Лоретта подняла тарелку с теплой, как слюна, овсянкой, словно богатая леди, провозглашающая тост.

– Не за что.

* * *

Лоретта была права. Кухня оказалась огромной и забитой мясницкими ножами размером с топор. Кастрюли походили на ванны, а холодильники – на отдельные коттеджи, словно кухню построили для семьи очень голодных великанов. С десяток девочек драили кастрюли, крошили овощи, чистили картошку и помешивали какое-то варево. Была даже пекарня с огромными бочками, наполненными мукой, сахаром или порошком для пудинга, а также стеллажами для хлеба и пирогов. У Фрэнки слюнки потекли от одной только мысли о стеллажах, заполненных свежее испеченными пирогами.

Вся кухня, как объяснила заправляющая здесь пухленькая монахиня, делилась на отделы: для монахинь, младенцев, мальчиков и девочек.

– Потому что, согласно диетическим ограничениям и рекомендациям, каждый отдел готовит и подает разную еду, – сказала сестра Винченца.

Когда она говорила, из-под ее апостольника выдавливались мягкие подбородки, которые напоминали подходящее дрожжевое тесто.

Сестра поставила Фрэнки в пару с девушкой постарше по имени Розали. Розали идеально подходила для работы на кухне: такая же крупная, как и вся здешняя утварь. Широкое румяное лицо, руки как молоты, на голову выше всех в кухне, включая сестру Винченцу. Фрэнки подумала, что, если бы не одежда, то Розали казалась бы такой же большой и прекрасной, как богини на картинах.

– Меня прозвали Чик-Чик, – сказала Розали, когда сестра отошла.

– За что? – поинтересовалась Фрэнки.

Розали-Чик-Чик подняла левую руку: средний палец был короче остальных на фалангу.

– Отчикала, – пояснила она. – Кровь залила все мясо, которое я резала.

– Мясо выбросили?

– Ты с луны свалилась? Промыли, и стало как новенькое. – Она усмехнулась. – А кончик пальца так и не нашли. Наверное, он попал в рагу.

– Вот почему у рагу такой ужасный вкус, – сказала Фрэнки. – Слишком много пальцев.

Чик-Чик дружески хлопнула девочку по голове.

– А ты нормальная, Фран-чес-ка.

– Фрэнки, – поправила она, но Чик-Чик уже шла к кладовке.

– Иди сюда, покажу, где хранится рис и еще всякая ерунда.

Вскоре Фрэнки поняла, что сестра Винченца имела в виду под «диетическими ограничениями». Монахини получали хорошую еду потому, что они монахини; младенцы получали хорошую еду, потому что они младенцы; а всем остальным давали отбросы.

– Значит, так, Фран-чес-ка. Эй, ты слушаешь? Будем готовить рис. Это делается так: берешь одну из больших кастрюль... – Чик-Чик схватила за ручку огромную черную кастрюлю и сунула под кран, чтобы наполнить водой. – Вот, смотри теперь, какая тяжелая.

Фрэнки попыталась поднять кастрюлю и чуть не уронила.

Чик-Чик рассмеялась.

– Нормально, ты привыкнешь. Скоро станешь такой же здоровой, как я.

– Вряд ли, – усомнилась Фрэнки. – Ты больше моего отца.

Она надеялась, что не обидела девочку, но Чик-Чик было нелегко обидеть. Она опять рассмеялась.

– Тащи сюда тот мешок с рисом, крошка Фран-чес-ка.

Фрэнки схватила большой мешок за оба угла и потащила по полу.

– Так и будешь звать меня Франческой?

– А почему бы и нет? Смотри, берешь этот нож и разрезаешь мешок сверху, вот так.

– Пальцы береги, – сказала Фрэнки.

Чик-Чик опять захихикала.

– А ты прикольная. Ладно, когда вода закипит, берешь этот мерный стакан, набираешь рис и сыплешь в воду. Потом накрываешь, ждешь сорок пять минут, и рис готов. Все поняла?

– Конечно, – ответила Фрэнки.

– Тогда приступай.

Фрэнки под присмотром Чик-Чик открыла мешок и сунула в него мерный стакан. Роясь в рисе, девочка заметила что-то странное. Некоторые зернышки шевелились.

– Э... Чик-Чик!

– Да, Фран-чес-ка?

– Это плохой рис.

– Что ты имеешь в виду?

– Посмотри. Вряд ли рис должен сам шевелиться...

Чик-Чик, прищурившись, посмотрела на рис.

– Тебе попало несколько личинок, вот и все. Вот эти, белые, маленькие.

– Значит, надо взять другой мешок?

– Что? – Чик-Чик опять рассмеялась, словно Фрэнки отколола презабавнейшую шутку. – Нет, другого мешка риса нету! Этот пожертвовали... хм... не помню, кто его пожертвовал, но больше у нас нет. В том-то и дело. Так что сыпь этот. Личинки всплывут, и ты просто их соберешь, ясно?

Фрэнки устала на нее, а Чик-Чик опять расхохоталась. Фрэнки никогда не встречала людей, которые бы так много смеялись, особенно над такими вещами, как отрезанные пальцы и червивый рис.

Чик-Чик забрала у Фрэнки стакан с рисом и опрокинула в воду.

– Пока-пока, червячки! – пропела она и помешала червивый суп длинной деревянной ложкой. – Видишь? Они уже всплыли. Эти ребята долго не протянут в горячей воде.

Следующую четверть часа Фрэнки вылавливала из кастрюли личинок, думая о том, как теперь вообще сможет есть. Потом Чик-Чик показала, как готовить тушеную говядину. В мясе блестели бугры жира, а картофель напоминал темные камни, которые дети пинали во дворе. Они налили «постума»: настоящего кофе детям не давали.

Наконец Фрэнки потеряла терпение.

– Как они могут кормить нас такой гадостью? На свалке и то можно подобрать лучше!

Чик-Чик оглянулась на сестру Винченцу, но та была занята – орала на девочку, рассыпавшую сахар. Разве они не знают, что сахар им пожертвовали и нет ни одной лишней крупинки?

Чик-Чик махнула Фрэнки, чтобы та шла за ней в другой отдел кухни: для монахинь.

– Глянь сюда.

Она подняла крышку большой кастрюли. Там в собственном соку тушилось первосортное коричневое мясо, а запах стоял такой, что у Фрэнки закружилась голова. В другой кастрюле было картофельное пюре. В третьей – зеленая, как трава, фасоль. Чик-Чик озорно улыбнулась, отчего стала похожа на хэллоуинскую тыкву с прорезями для глаз и рта, и взяла ложку.

– Разумеется, мы пробуем еду. Надо же убедиться, что приготовлено как надо. Кто же захочет есть испорченные блюда?

Она зачерпнула картофельное облако и протянула Фрэнки.

Как только та поднесла ложку ко рту и на языке взорвался вкус сливочного масла и соли, в смежном с кухней коридоре раздался шум. Вопль, глухой стук – и в распахнувшуюся дверь влетел темноволосый паренек. Его толкнули так сильно, что он проскользнул по полу и остановился у самых ног Фрэнки. Когда он поднял карие глаза из-под козырька кепки и улыбнулся – Фрэнки разглядела полные губы и покрасневшие щеки, – она почувствовала себя полуобнаженной русалкой, выброшенной на берег и бьющей хвостом.

Фрэнки резко вдохнула, втянув картофельное пюре, и закашлялась. Она кашляла и кашляла, не зная, сможет ли вообще когда-нибудь дышать.

Утопленница

Когда-то и я встретила такого парня.
И с тех пор не могла дышать.

Вороний принц

Моего парня звали Бенно. Первый слог – начало поцелуя, когда губы вытягиваются в трубочку, но еще не разомкнулись. Вторым слог – как сладкий фрукт. Если мне не спалось, я повторяла его имя снова и снова только для того, чтобы чувствовать это слово во рту.

Парня Фрэнки звали Сэм. Правда, у него не было времени представиться. Пока она отчаянно кашляла, а Чик-Чик бил ее по спине, сестра Винченца гонялась за ним по всей кухне и билась ручкой сковороды. Он выскочил за дверь, а втолкнувшие его сюда хулиганы смеялись и восторженно вопили.

– Ты в порядке? – спросила Чик-Чик, когда мальчишки убежали, а кашель Фрэнки стих.

– Кто это был? – спросила Фрэнки.

– Мальчишка? Кажется, его зовут Сэм. А что?

Фрэнки пожала плечами и опять кашлянула.

– Просто так.

Чик-Чик загадочно улыбнулась.

– Он хорошенький.

– Хорошенькими бывают девочки, – сказала Фрэнки, хотя она была неправа.

– Тогда симпатичный.

– Может быть.

На самом деле Фрэнки не знала, что мальчишки могут быть хорошенькими или симпатичными. Это казалось невозможным: с их шерстяными штанами, чумазыми лицами и огромными клоунскими ступнями. Она опять закашлялась, стараясь спрятать лицо, ставшее мокрым и горячим, словно она постояла над кастрюлей с тушеной говядиной.

– Ай-ай-ай, – проговорила Чик-Чик. – Похоже, кому-то будет что сказать на исповеди в конце недели.

– Ты о чем? Я ничего не сделала.

– Пока что, – заметила Чик-Чик.

* * *

Пару недель спустя Фрэнки думала о словах «пока что», торопясь по коридору в лазарет. Эти короткие слова казались такими большими и весомыми. Они отдавались эхом в ушах, пульсировали в венах: «пока что», «пока что», «пока что». Фрэнки бежала так быстро, что чуть не потеряла сверток с едой, который прятала под свитером. Она прижала его крепче, надеясь, что монахини не увидят выпуклости и не услышат хруста оберточной бумаги. Она почти добралась до лазарета, когда ее окликнули.

– Франческа Мацца!

Фрэнки повернулась, прижав к себе локти, как обычно делаешь, когда замерзаешь или когда болит живот. Сестра Джорджина притаилась в темном коридоре, словно огромная летучая мышь. Она что-то держала. Доску для резки хлеба. Фрэнки не хотелось знать, зачем монахине этот предмет.

Сестра потеряла костяшки пальцев о доску.

– Ты куда?

– Иду в лазарет к Лоретте, хочу ее подбодрить. У нее ветрянка. Я не заражусь, потому что уже переболела.

– Кто разрешил тебе посещать лазарет в такой час?

– Сестра Берт.

– Сестра Бертина, – поправила монахиня.

– Сестра Бертина, – таким же точно тоном повторила Фрэнки.

Сестра, прищурившись, посмотрела на Фрэнки, пытаясь понять, не дурачит ли та ее. Фрэнки не дурачила, кто угодно мог понять, что она и правда хочет побыстрее уйти к Лоретте. Я это видела. Сестра Берт разрешила, а кроме того, вечер холодный, ужин только закончился, что ей еще делать?

– Раз уж сестра Бертина разрешила, то я должна тебя отпустить. – Монахиня шагнула вперед; ее глаза горели, как угли. – Но не думай, будто я не спрошу ее, чтобы убедиться, не собралась ли ты прошмыгнуть самовольно.

Фрэнки отступила назад, при этом стараясь быть достаточно храброй, чтобы стоять на своем.

– Да, сестра.

– Если обнаружу, что ты мне лжешь, ты пожалеешь, что повстречалась со мной.

Глупые слова, потому что Фрэнки не знала ни одного сироту, который не пожалел бы о встрече с сестрой Джорджиной.

– Да, сестра.

Сестра Джорджина еще секунду или две удерживала взгляд Фрэнки, а затем ушла по коридору, словно какая-нибудь королева. Фрэнки ощутила зарождающуюся головную боль. Она поклялась себе, что, когда станет взрослой женщиной и обретет свой дом, она вернется сюда в красивом костюме, шляпке и туфлях в тон. И в белых перчатках. Найдет сестру Джорджину и расскажет ей все, что о ней думала: что сестра просто задира, не лучше тех мальчишек, что слоняются по улицам и отбирают сладости у малышей. И Фрэнки плевать, если придется до конца своих дней после каждой исповеди миллион раз повторять «Аве, Мария».

– Почему так долго? – спросила Лоретта, когда Фрэнки наконец пришла в лазарет. – Утром я дочитала книгу и весь день умираю от скуки.

Она почесала красную сыпь на лице.

– Мне не разрешали прийти, – ответила Фрэнки. – А потом по пути сюда я наткнулась на сама знаешь кого.

– Самая скверная монахиня во всем приюте, – заметила Лоретта.

– И не говори. – Фрэнки огляделась, проверяя, не смотрят ли на них, и вытащила сверток. – Вот, это тебе.

Лоретта взяла подарок и потрогала обертку. Фрэнки нарисовала на ней детей с ветрянкой.

– Мне нравится, как ты рисуешь, – сказала Лоретта. – Спорим, когда-нибудь твои работы будут висеть в музеях?

Фрэнки не представляла, каким образом лица с ветрянкой могут попасть в музей.

– Так ты будешь разворачивать?

– Не кипятись. – Лоретта развернула бумагу, стараясь не порвать, и ахнула, увидев, что внутри. – О, Фрэнки! Как ты это достала?

– Есть способы.

– Я могу съесть это за один присест, но не хочу, чтобы меня видели.

Она оглянулась на медсестру Фриду и ее помощницу Беатрис, которые мерили температуру у других больных детей.

Фрэнки подвинулась к подруге, заслоняя ее от медсестры.

– А так?

– Чудесно!

Лоретта взяла из пакета сэндвич с ростбифом и откусила, при этом закатив глаза чуть ли не на затылок. Фрэнки могла бы прихватить пирожных, но Лоретта предпочитала сладостям мясо. Еще лучше было бы достать тефтелей, но в приюте их не готовили даже для монахинь. От тефтелей ее мысли перескочили на отца, на то, что он уехал, бросив ее и Тони. Фрэнки тут же выкинула эти мысли из головы и стала думать о парне. Сэм... Появится ли у нее когда-нибудь

возможность с ним поговорить? А потом она подумала, сможет ли справиться с дыханием, чтобы вообще что-нибудь сказать. И подумала о словах «пока что».

– Фрэнки, эй!

– Что?

– Ты устала в никуда. Прямо как сестра Берт, когда читает книгу. Наверное, она читает больше, чем я.

– Это невозможно, – сказала Фрэнки. – Какую книгу ты дочитала сегодня утром?

– «Аню из Зеленых мезонинов».

Фрэнки понятия не имела, что такое мезонин, но не собиралась спрашивать.

– И про что она?

– Про сироту.

– Зачем читать про сироту, разве тебе их здесь мало? – удивилась Фрэнки.

– Это другая сирота. Она попадает в дом к хорошим людям и...

Лоретта замолчала и покачала головой, как будто ляпнула что-то такое, в чем придется исповедаться. С подбородка у нее капал сок. Она вытерла его пальцами и облизала их.

– Вкусно!

– Рада, что тебе понравилось, потому что мне, наверное, придется много раз повторить «Отче наш».

Лоретта улыбнулась и взяла Фрэнки за руку.

– Ты лучшая.

Фрэнки посмотрела на их сцепленные руки.

– Ты что, мой парень или типа того?

Лоретта вспыхнула, и вся ее кожа стала такой же красной, как и сыпь. Она выпустила руку Фрэнки и подобрала оберточную бумагу, восхищаясь ею, будто удачной фотографией.

– Может, тебе удастся получить работу в кино. Знаешь, рисовать всякие декорации.

– В точку, – согласилась Фрэнки. – А может, я буду работать у мистера Уолта Диснея.

– Почему бы и нет?

Вопрос показался Фрэнки глупым. Более дурацким, чем читать о какой-то вымышленной сироте.

– Потому что я из «Хранителей», вот почему.

– И что? Почему девчонка из «Хранителей» не может получить работу у мистера Диснея? Разве ему важно, откуда ты, если ты умеешь делать то, что ему нужно?

– А почему бы не выдвинуть себя на пост президента, раз уж на то пошло?

Лоретта подняла бровь.

– Больная здесь я, а психуешь ты. Что на тебя нашло?

Фрэнки не смогла объяснить.

– Не знаю. Прости.

– Ты нервничаешь, а у меня жар. Не думала, что в декабре может быть так жарко, но я вся горю. Пытаюсь открыть окно, но не выходит. Поможешь?

Они вдвоем надавили на раму, и огромное окно со скрипом поддалось. Фрэнки пришлось схватить Лоретту за ночную рубашку, чтобы девочка не вывалилась.

Медсестра Фрида ничего не заметила, но ее помощница Беатрис, сама ненамного старше Фрэнки с Лореттой, тут же подбежала к ним.

– Что вы делаете? – спросила она, понизив голос.

Из-за темных глаз и смуглой кожи все считали Беатрис сицилийкой, как Фрэнки. И Беатрис, чья семья приехала из Мексики, никого не поправляла. Она была полненькой, все в ней отличалось пышностью: волосы, губы, тело. Фрэнки замечала, как многие старшие мальчишки плятятся на нее и хотят заболеть, чтобы эта девушка заботилась о них.

Беатрис прикрыла окно. Приложив ко лбу Лоретты руку тыльной стороной, она цокнула.

– По-прежнему горячий, тебе нужно отдохнуть. Наверное, твоей подруге пора уходить.
– Правда пора?
– Боюсь, что так.
– Я еще приду, – сказала Фрэнки Лоретте.
– Обещаешь?
– Да. Эй, в следующий раз возьму с собой Стеллу. Она будет петь тебе песни и рассказывать, как она прекрасна.

– Хочешь сказать, что она стала задаваться еще больше? – спросила Лоретта.

Беатрис недовольно выдохнула и уперла руки в бока.

– Из-за вас у меня будут неприятности с медсестрой Фридой!

Фрэнки встала.

– Хорошо, хорошо, я уйду. Сестра Берт разрешила нам после ужина послушать радио, а я пропускаю.

Еще одним пунктом в длинном-длинном списке преимуществ сестры Берт перед сестрой Джорджиной было радио. Ей нравились «Святая святых», «Тень» и «Фиббер Макджи и Молли» так же сильно, как и любой девочке. Каждый вечер она включала радио, все собирались вокруг и пялились на коричневый ящик, словно из него вот-вот могли выскочить персонажи.

Фрэнки вбежала в коттедж старших девочек, ожидая услышать обычный смех, но вместо этого все были поглощены новой передачей.

– Ну и что тут за новости?.. – начала Фрэнки, но Гекль схватила ее за руку и заставила сесть.

– Тише! – шикнула она.

– А что происходит?

– Ты ничего не знаешь? – прошипела Стелла. – Они бомбят наши корабли!

– Какие корабли? Кто? Почему?

– Заткнись и слушай!

– Новости «Эн-би-си» из Нью-Йорка: сегодня президент Рузвельт сделал заявление. Японцы совершили воздушное нападение на Перл-Харбор, Гавайи! Повторяю: сегодня президент Рузвельт сделал заявление. Японцы совершили воздушное нападение на Перл-Харбор, Гавайи! Сейчас в прямом эфире состоится телефонный разговор с Гавайями.

Трансляция переключилась на другого мужчину. На линии были помехи. Тем не менее все слышали, что он запыхался и немного возбужден, а еще он так и не представился, как обычно делали дикторы.

– Гонолулу также подвергся бомбардировке и существенно пострадал. Бой продолжается почти три часа. Бомба упала в пятидесяти футах от радиобашни. Это не шутка, это настоящая война.

Сестра Берт выключила радио.

– Это же шутка, сестра? – спросила Фрэнки. – Как та передача про нападение марсиан?

Прошло несколько лет, но она помнила тот радиоспектакль про инопланетян, приземлившихся то ли в Нью-Джерси, то ли в Нью-Йорке, то ли где-то еще, и убивавших всех тепловыми лучами. Тогда все казалось настоящим: со взрывами, стрельбой и речью президента. Сестры заставили всех встать на колени и молиться несколько часов, пока кто-то не разобрался, что это не конец света, а просто шутка. Фрэнки думала, что сестра Джорджина пойдет штурмовать столицу, так она бесилась.

Теперь же сестра Берт сказала:

– Нет. Не думаю, что это шутка. – Ее и без того бледное лицо побледнело еще сильнее. Она потерла щеки. – Это значит, что мы вступили в войну.

– В войну с Японией? – спросила Гекль.

– Да. Скорее всего, еще больше парней пойдут служить.

Фрэнки подумала о Сэме, растянувшемся у ее ног на кухне, подумала о Вито в Колорадо. Вито всего шестнадцать, но что, если война затянется? Придется ли ему идти? Пошлют ли его в Японию? А Сэм? А все они?

Я подумала о своих братьях в начале Первой мировой, еще одной войны, которая, казалось, нас не коснется, никак на нас не отразится.

– Это проблема Европы, не наша, – сказал мой отец из-за газеты. – Америка превыше всего.

Все девочки разом заговорили: о братьях, об отцах, о кузенах и мальчишках «Хранителей», о том, что с ними будет и что это значит для остальных. Сестра Берт воздела руки к небу.

– Не будем сейчас решать мировые проблемы, – сказала она. – Мы все потрясены, но я уверена, что президент Рузвельт предпримет необходимые действия, и мы скоро об этом услышим.

Она встала.

– Девочки, что у вас со штопкой?

– У меня нет никакой штопки, – сказала Стелла.

– Стелла, штопка всегда есть.

– Но...

Сестра подняла руку.

– Мы должны уповать на то, что Господь позаботится о нас и нашей стране. От нас требуется сохранять веру и продолжать делать свою работу.

Девочки напоказ достали дырявые носки и чулки, но ни одна не могла сосредоточиться ни на чем, кроме радиопередачи. Они шептались о том, что все это значит, но никто не знал. Впрочем, скоро они почти забыли эту тему и начали говорить о других, обычных вещах: еде, которую хотелось бы съесть, прическах, которые хотелось бы сделать, если бы можно было. Поразительно, как что это вообще возможно – на какое-то время забыть о войне. Но ведь забываешь. Особенно когда война идет далеко, за океаном; когда у твоего брата слишком плохое зрение, чтобы идти служить, а твоя мама так этому рада, что сама печет торт, вместо того чтобы поручить это кухарке; когда темноволосый парень с блестящей впадинкой на шее стоит у твоей двери, а ты не можешь говорить, потому что волна желания подхватывает тебя, угрожая утопить.

Бенно, Бенно, Бенно, Бенно. Бе...

Но, должно быть, плохие новости застряли где-то в подсознании, как это всегда бывает с плохими новостями, потому что девочки были слишком встревожены, чтобы спать. Сестра Берт выключила все лампы, кроме одной, и поведала им историю, которую рассказывала ей в детстве в Баварии мать.

– Давным-давно, – начала сестра, – один человек лег под дерево вздремнуть. Проснулся он оттого, что его клюнул ворон с вывихнутым крылом, слетевший с дерева. Человек очень рассердился, но ворон сказал ему, что он спал пять лет! Человек оглядел себя и понял, что это правда: у него отросла густая борода до самой земли. Он спросил у ворона, чем того отблагодарить. Ворон выдернул у себя блестящее черное перо и дал человеку. «Предложи это перо своим дочерям. У той, которая его возьмет, сбудется ее желание, а вместе с ним – и мое».

Человек пришел домой и начал предлагать перо дочерям по очереди. Старшая рассмеялась. Средняя презрительно фыркнула. А младшая положила перо в карман.

Поскольку человека не было дома пять лет, его семья терпела лишения. У них не было еды и закончились вещи на продажу, от которых они получали выручку, чтобы купить продукты. Старшие дочери сердились на отца, а младшая сказала, что найдет работу. Ее сестры рассмеялись: «А что ты умеешь?»

Младшая отправилась в город и пошла работать кухаркой. Но, как и сказали ее сестры, она не умела готовить. Все ее блюда выходили сырыми либо подгорали. Главная повариха побила ее и сказала, что, если и завтрак не получится, ее отправят домой голодной. Девушка стала искать платок, чтобы вытереть слезы, и наткнулась на воронье перо. Этим пером она написала свое желание: «Хочу, чтобы на столе к завтраку появилась самая вкусная еда».

Наутро ее желание исполнилось. Стол ломился от превосходных блюд. Девушка изумилась. Когда на следующий день экономка попросила ее сшить для хозяйки несколько платьев, девушка написала названия красивых нарядов. И снова ее желание исполнилось – в шкафу хозяйки появилось полдюжины изысканных платьев.

Вскоре слава о ней разнеслась по городу. Девушка была такой мастерицей и красавицей, что многие мужчины хотели жениться на ней. Ночью к ней в комнату пробрался плотник. Она попросила его уйти, но он отказался. «Тогда закрой дверь», – сказала она. Пока он закрывал дверь, она быстро написала: «Пусть он всю ночь закрывает и открывает дверь». Ее желание исполнилось. На рассвете плотник убежал.

На следующую ночь в комнату девушки пришел охотник. Когда он наклонился, чтобы снять сапоги, она написала вороньим пером: «Пусть он всю ночь снимает и надевает сапоги». Ее желание исполнилось. На рассвете уставший охотник ушел.

На третью ночь к ней в комнату влетел ворон с вывихнутым крылом. Поскольку это была всего лишь птица, к тому же больная, девушка накормила его крошками и пожалела вывихнутое крыло. «Хочу, чтобы ворон поправился», – написала она.

Этим последним желанием она разрушила заклятие. Внезапно ворон превратился в прекрасного юношу, одетого в черный бархат.

Прекрасный юноша забрал у нее перо и написал: «Хочу, чтобы исполнилось заветное желание этой девушки». И оно исполнилось.

Сестра кивнула, сказка закончилась.

– Погодите, что же случилось? – спросила Гекль.

– Они поженились, правильно? – предположила Стелла. – Та девушка и вороний принц?

Сестра Берт хлопнула ладонями по коленям и встала.

– Может быть. Смотря какое у нее было заветное желание.

– А каким еще оно могло быть? – не унималась Стелла.

Сестра вздохнула.

– Может, кусок хорошего шоколада? Или мир во всем мире?

– Шоколад! Что это за сказка? – воскликнула Стелла.

– Сказка, которая учит думать о том, чего желать, – ответила сестра Берт, выключая последнюю лампу. – А теперь спать.

* * *

В темноте девочки размышляли о том, чего бы они хотели, если бы к ним в окно явился прекрасный вороний принц. И не все желали мира во всем мире.

Некоторое время спустя кто-то прошептал:

– А где вообще эта Бавария?

– Наверное, где-то в Огайо, – ответил другой голос.

1942 год Сказки

Слабые сердца

Месяцы проходили в дымке падающего снега, рождественских огней и кровавых битв в далеких городах, названий которых и не выговоришь. Я беседовала с младенцами в Доме малютки и наблюдала за Фрэнки, которой исполнилось пятнадцать. Если я не была в приюте, то слонялась по улицам среди людей, неуклюжих, как медведи, в своих тяжелых пальто, или летала в кино, куда юноши, непригодные к строевой службе из-за болезни или увечья, ходили забыть о своем позоре.

Однажды утром, когда у оборванцев в очереди у бесплатной столовой от мороза наворачивались слезы на глаза, я проголодалась по истории другого рода. Я пустилась в путь по улицам, не заботясь о том, чтобы держаться на тротуарах. Машины ехали прямо сквозь меня, будто я ничто, но я ловила мысли водителей, как бабочек в сачок.

«Что, если Герберт не найдет другую работу?»

«Этот негодяй пропил всю получку».

«Дейзи, о Дейзи, я тебя люблю, но...»

«Нам придется переехать к его матери».

«Америка не может позволить себе ввязаться в очередную...»

«Но, мамочка, я живу впроголодь».

«Ты что, думаешь, мы Рокфеллеры?»

«От проклятого Рузвельта никакого толку».

«Черт бы тебя побрал».

Наконец я добралась до библиотеки. Проскользнув сквозь стеклянную дверь, я, как обычно, приветствовала симпатичную новенькую библиотекаршу: «Привет, мисс Книги, какой красивый свитер!». Хотя она меня не слышала. Прежняя библиотекарша, черноволосая женщина в зеленых очках, тоже меня не слышала... до поры до времени. Но тогда я говорила не «Привет, мисс Книги, какие шикарные очки!», а совсем другое, наподобие «Или то, что зримо мне, все есть только сон во сне?»⁵, или «Много лучше хоть бегством спастись от беды, чем погибнуть»⁶, или «Большинство женщин днем не ползают»⁷. Просто чтобы развлечься. Я так же удивилась, как и библиотекарша, когда просто прошептала «Бу-у-у!», – и стопка каталожных карточек, которые она держала, взлетела вверх и рассыпалась дождем гигантских конфетти.

Она уволилась. Возможно, к лучшему. Слабое сердце.

Поприветствовав симпатичную новенькую библиотекаршу, я полетела в читальный зал. Чем холоднее на улице, тем больше людей в библиотеке, но толпа меня не беспокоила. Чем больше читателей, тем больше возможностей читать через плечо. В основном газеты, хотя новости меня не интересовали. Мировые беды для меня мало что значили: кто сражался на войне, кто готовился к ней, кто избегал – этой или той, другой, – но люди здесь и повсюду были поглощены войной, убеждены, что каждая война отличается от других, и это не одна долгая война с короткими мирными периодами между битвами.

---

⁵ Эдгар По, «Сон во сне». Пер. К. Бальмонта.

⁶ Гомер, «Илиада». Пер. В. Вересаева.

⁷ Цитата из рассказа «Желтые обои» Шарлотты Перкинс Гилман.

Даже теперь над «Ридерз дайджест» корпела рыхлая женщина и, шевеля губами, читала старую статью о Чарльзе Линдберге, знаменитом эксцентричном летчике.

– «Мы, наследники европейской культуры, стоим на пороге разрушительной войны внутри нашего собственного сообщества наций. Войны, которая ослабит белую расу и уничтожит ее достояние... Пришел наш черед защищать наше наследие от монголов, персов и мусульман»...

Взгляд женщины скользил по лицам. Полагаю, она высматривала монголов, персов и мусульман.

Я облетела читальный зал в поисках блондина с кривыми зубами. Точнее, не его, а книги, которую он читал последние несколько месяцев по паре страниц в день. В свои более юные годы я не была любительницей чтения, но не потому ли, что мне никогда не разрешали читать что-то достойное? Любимую книгу сказок у меня отобрали еще в двенадцать. Родители сказали, что пора перестать читать детские книжки. Позже мама отбирала у меня детективные журналы и любовные романы, которые я брала у подруги Хэрриет. Мама говорила, что от этой чепухи мои мозги превратятся в кашу и я утрачу всякое представление о нравственности.

Если у меня вообще есть мозги и представления о нравственности, добавляла она. Она пришла в ужас, застав меня с Хэрриет, когда мы тренировались целоваться, вместо того чтобы заниматься рукоделием.

Я нашла блондина с кривыми зубами в углу у окна. Книга, которую он читал, называлась «Хоббит». Как и в сказках, которые я любила в детстве, в ней были чудовища, гоблины и загадки, но взрослый мужчина читал ее в открытую, совершенно не беспокоясь о том, что его мозги превратятся в кашу и он утратит представления о нравственности. Как хорошо быть мужчиной и свободно читать на публике книги про чудовищ, когда никто не будет беспокоиться о том, что ты превратишься в чудовище или что выбрал эту книгу потому, что сам чудовище. Он только что начал пятую главу, «Загадки во тьме». Я парила у него над плечом, представляя Бильбо Бэггинса, крошечное существо с мохнатыми ступнями, наткнувшегося на кольцо, надевшего его на палец и ставшего невидимым. Волшебство.

В зале кто-то кашлянул. Я подняла голову. Над плечом другого мужчины зависла девушка моих лет. Я была маленькой и белокурой, с серебристыми кудрями – в тихом омуте черти водятся, говорила мама. Девушка же оказалась высокой, с теплой коричневой кожей и зачесанными вверх волосами – я никогда не видела таких густых иссиня-черных волос. В отличие от моего платья свободного кроя, на ней был золотистый наряд, облегающий тонкую талию, скользящий по бедрам и доходящий почти до щиколоток. В этом платье ее фигура напоминала идеальные песочные часы. Несмотря на наряд и прическу, вышедшую из моды почти десять лет назад, девушка была такой прелестной, что на мгновение показалась мне живой. Пока она не попыталась перевернуть страницу газеты и ее рука не прошла прямо сквозь мужчину. Она нахмурилась и попробовала еще раз.

Я терпеть не могла смотреть, как призраки повторяют последние моменты своих жизней, ненавидела их бесполезную лихорадочную возбужденность. Не стала бы ей ничего говорить, но я пыталась читать, а она отвлекала.

«Не сработает», – произнесла я.

Она не ответила. Ну конечно нет. Ее рука вновь попыталась листнуть газету.

«Ты двигаешься слишком быстро», – сказала я.

Она нахмурилась и сделала это еще раз.

«Ты новенькая? Ты не можешь быть новенькой. Платье пошито больше десяти лет назад. Я знаю, стараюсь быть в курсе. Ты смотрела объявления?»

Она опять нахмурилась, листнула. Нахмурилась, листнула.

«Ты чересчур стараешься. Расслабься».

Листнула, листнула, листнула.

Я топнула, словно могла привлечь ее внимание. Или вообще чье-то. Как будто мои собственные движения и слова не были так же бесполезны.

«Просто читай через плечо, – сказала я. – В любом случае это отнимает меньше энергии. Ты же знаешь, поначалу у нас ее мало. Если будешь упорствовать – истощишь себя».

Девушка не слушала, не смотрела. Нахмурилась, листнула.

«Если истощишь себя, то потеряешь время, слышишь? Ты потеряешь себя. Спустя недели, месяцы, годы обнаружишь, что блуждаешь где-нибудь в Индиане, или плывешь на лодке по озеру Мичиган, или сидишь на крыше Чикагской торговой палаты, или вместе с птицами летаешь вокруг Рукери-билдинг, удивляясь, как очутилась здесь. Ты этого хочешь?»

Нахмурилась, листнула, нахмурилась, листнула.

К ней, заблудившейся в собственной смерти, было не достучаться. Но что может быть смертоносного в газете? Может, она порезалась бумагой? Может, моя мама была права в том, что простые слова способны превращать мозги в кашу? А может, у этой девушки тоже было слабое сердце?..

Тогда ей следует держаться подальше от газет. Все эти разговоры о войне могут шокировать. А сердце всегда страдает в первую очередь.

Затем я почувствовала на себе пристальный взгляд девушки: горячий, очень горячий. Ей необязательно было со мной разговаривать, я слышала ее мысли: «Кого ты назвала слабой?»

Я шагнула назад: «Я не хотела...»

Ее пальцы листнули, и на этот раз она выдернула газету из рук мужчины. Газета облетела зал, как сокол, как сова, как орел, раскинувший крылья, и упала на стол.

Читатели удивленно переглянулись.

– Наверное, сквозняк, – сказал мужчина.

– Какой еще сквозняк? – спросила женщина.

«Сквозняк», – произнесла я.

Девушка изогнула бровь крутой дугой, словно ее кожу пронзил крючок.

«Как ты?..» – начала я.

Она прижала палец к губам: «Ш-ш-ш».

* * *

– Благословите, отец, ибо я грешна. С последней исповеди прошла неделя.

– Говори.

– Я плохо думала о своей младшей сестре, Тони. Она всем твердит, что выйдет замуж за герцога. А в Америке вообще нет герцогов.

Отец Пол кашлянул.

– Может, она собирается переехать в Англию?

– Как будто это поможет.

Отец опять закашлял и ничего не ответил. Фрэнки хотелось бы лучше его видеть сквозь решетку. Когда он не проповедовал и не вещал об аде, у него было дружелюбное лицо.

– Тони смешная, – продолжала Фрэнки. – Но я не знаю, грех ли так думать, потому что все так о ней говорят.

– Тогда этим всем тоже нужно исповедаться, – ответил священник. – Ты искренне раскаиваешься?

«Нет», – подумала она.

– Да, – сказала она.

– Что-то еще?

– Я почти произнесла имя Господа всуе. Дважды.

– Почти?

– Чик-Чик бросила в меня картошкой до того, как я договорила имя. Во второй раз я почти произнесла, но она стукнула меня ложкой. Чик-Чик не любит, когда поминают имя Господа всуе.

– Мне нравится эта девушка, – сказал отец Пол со своим ужасным ирландским акцентом.

Фрэнки тоже хотелось быть девушкой, которая нравится отцу Полу, но, наверное, она такой не была. Иногда, если сестры не видели, она хватала сырое яйцо и выпивала его. Бывало, что, роаясь в холодильнике, зачерпывала горсть «джелло»⁸ и быстро проглатывала. Считается ли грехом есть, когда голодна? Если бы отец был голоден, он бы залез руками в чан с «джелло»? Бывал ли отец Пол по-настоящему голоден или он слишком полон Божьей благодатью? Фрэнки не знала о его полосатых пижамах, о том, как часто ему снится бабушка, которая считала плохой приметой ставить обувь на стол, восхищаться младенцем перед его матерью, вязать с наступлением темноты, если только не знаешь точно, что овцы спят. Бабушка считала, что, поскольку Пол родился ночью, он сможет видеть духов и эльфов, которых она называла «добрым народом». Каждую ночь она велела ему ставить в углу блюдо со сливками, на случай если домовый захочет пить. Его мать говорила, что все это – английская чепуха, что они ирландцы, но бабушка уверяла, что домовые помогают со штопкой всем, особенно ирландцам. Однажды отец Пол проснулся среди ночи и увидел крошечное сморщенное существо, которое пило из чашки.

Отец Пол больше всего на свете любил Бога. Но иногда скучал по сказкам об эльфах.

– Еще что-нибудь? – спросил он у Фрэнки.

– Я думала о словах «пока что».

– А что такого в словах «пока что»?

– Я подумываю кое-что сделать, но пока что не сделала.

– А, – произнес отец, словно точно знал, о чем говорит Фрэнки.

Она потянула себя за волосы, которые наконец немного отросли. В приюте осталось не так много парней, которые могли бы смотреть на ее или чью-нибудь еще прическу. За исключением тех мальчиков, кто носил очки с толстыми стеклами или хромал, все они покинули «Хранителей» и отправились напрямиком в армию. Некоторые даже улизнули посреди ночи.

Фрэнки с грустью смотрела, как они уходят. В обязанности кухонных девушек входило мыть посуду в столовой старших мальчиков. Поначалу Фрэнки считала, что это вообще нечестно: мальчишки сильно пачкали тарелки. Но некоторое время спустя она уже не так возмущалась. Пока она стояла там, вычищая тарелки, кастрюли и тому подобное, к ней мог подойти то один, то другой парень, чтобы перекинуться парой слов, если поблизости нет монахинь. Ей могли сказать, что она симпатичная, помочь сложить посуду или донести тяжелые кастрюли. До этого Фрэнки мало общалась с противоположным полом, да у нее и возможности не было. Если не считать Вито. И то, даже когда она пыталась представить Вито в Колорадо, как он там выглядит и что делает, у нее не получалось. Становилось все труднее увидеть его мысленно, словно щуплый Вито становился все более тощим, пока не истончился совсем, превратившись в тень или нечеткие каракули в приходящих от него письмах.

Но это другие парни. Некоторые пахли типографской краской, от других несло более горькими ароматами зеленой листвы – они работали в цветочной лавке при приюте, – а некоторые просто воняли застарелой грязью. Один за другим они развязывали ее фартук, лопали пузыри жвачки, пели глупые песенки, прятали мыло, и один за другим они уходили в армию. Иногда они говорили ей об этом.

– Фран-чес-ка, – они всегда звали ее «Фран-чес-ка», потому что слышали, как к ней обращается Чик-Чик, – мне пора отчаливать.

---

⁸ Концентрат желе.

Но тот парень, с которым ей действительно хотелось поговорить, был для этого слишком застенчив или просто не хотел с ней разговаривать. Он маячил за спинами остальных, мямля в руках кепку, улыбаясь или глядя на свои ботинки, но никогда не произносил ни слова.

– Ничего плохого, – сказала Фрэнки отцу Полу. – Просто я думаю о том, чтобы поговорить... с человеком, с которым не разговаривала. Пока что.

– Нужно оставить все как есть.

Следовало ожидать, что он так скажет, следовало ожидать, что он знает. В «Хранителях» прилагали все усилия, чтобы держать мальчиков и девочек отдельно, даже братьев с сестрами. Но теперь, когда Фрэнки работает на кухне, ей позволено больше, она может посещать больше мест, больше говорить с людьми. Почему бы и нет? Она только что отметила день рождения, первый день рождения без отца. Вито прислал письмо и открытку, добавив, что это от всех, – как будто она хотела получить открытку от всех. Как бы то ни было, она теперь взрослая.

Почти.

– Просто поговорить, – произнесла она.

– Чем старше ты становишься, тем больше важных вещей появляется, о которых ты должна думать: учеба, работа на кухне, что означает помощь всему приюту, и происходящее в мире. Мы ведем войну.

– Я знаю.

Хотя порой о войне так легко было забыть. Фрэнки знала о нормировании продуктов, о повторной переработке – они собирали на кухне консервные банки, – но, поскольку их кормил приют и поскольку еда, что им давали, всегда была ужасной, они не обращали особого внимания на перемены в мире. Даже радиопередачи, казалось, вещали о том, что происходит слишком далеко, чтобы быть реальным.

Но иногда забыть о войне было не так легко.

– Если этот парень здоров, – сказал отец, – то скоро он уйдет служить.

Фрэнки стало дурно, и она пожалела о том, что перед исповедью сбегала в кухню выпить яйцо.

– Это будет нескоро.

– Время бежит быстрее, чем нам хотелось бы.

Фрэнки подумала, что оно идет недостаточно быстро.

– Мне нельзя разговаривать с ним, пока он еще здесь?

– Ты знаешь ответ.

Фрэнки знала ответ отца. И знала собственный. Они не совпадали. Они редко совпадали.

– Десять раз «Аве, Мария», – произнес отец. – Возблагодари Господа, ибо он милостив.

При этих словах Фрэнки склонила голову и пробормотала:

– Да пребудет милость Его во веки веков.

Я рассмеялась. Отец Пол думал, он понимает что-то о милости и словах «во веки веков», но что он мог знать обо всем этом?

Я ткнула его Библию, желая, чтобы книга раскрылась, взмыла в воздух и пролетела по исповедальне, как птица. Хотя страницы едва зашелестели, отец Пол прижал книгу к груди.

«Человек в дурацкой пижаме», – прошептала я, как вампир, которым и была. Есть. Была. Это милость, это во веки веков.

Чикагские русалки

Должно быть, я рассердилась на отца Пола сильнее, чем думала, потому что время запнулось, проскользнуло, и я очутилась на дубе в лесу. Мои уши пронзила песня белогорлого воробья, которому давно следовало улететь на юг.

– О, милая Канада, Канада, Канада!

«Будь добр, замолчи со своей Канадой», – сказала я.

Воробей не обратил ни малейшего внимания на мои слова или же просто хотел слушать собственный голос.

– Канада, Канада, Канада, – заливался он. – КАНАДА!

Я встала. Дуб оказался огромным, его голые ветви вздымались к зимнему небу, словно руки святого в экстазе. Если рыщешь по приютам, можно многое узнать о святых, прислушиваясь к снам монахинь и школьниц. Особенно я любила историю святой Люции, которая вырвала глаза, чтобы избавиться от похвалившего их чересчур настойчивого ухажера. Как-то раз я видела ее статую у нижнего алтаря в ближайшей церкви Богоматери Благодати. Глазницы святой были пусты, по щекам текла кровь. Она держала блюдо с двумя глазами, словно собралась подавать их как закуску. Мне самой следовало так поступить.

Я полетела по лесу, надеясь увидеть волка или медведя, но меня избегали даже олени. А может, им тоже надоело слушать про Канаду. Я пока не хотела возвращаться в приют, поэтому направилась к озеру. Песок по-прежнему укрывали сугробы снега, вода под ледяной шапкой тяжело плескалась на берег Монтроз-бич. Я сидела, любуясь бескрайними просторами озера Мичиган. Обычно нетрудно игнорировать других духов, которые слонялись поблизости, исполняя свои личные ритуалы, бесконечно повторяя собственную смерть. Но один темнокожий юноша, гуляющий по пляжу, похоже, был сосредоточен не на себе, а на мне. Несмотря на его ухоженные усики, добротный костюм в тонкую полоску и резную трость, которую он крутил как Чарли Чаплин, моя мама при его приближении утянула бы меня на другую сторону улицы только из-за цвета его кожи.

Маму пугало очень многое. Теперь бояться почти нечего.

Зато столько всего раздражает! Юноша прошел мимо меня один раз. На обратном пути – другой раз, пролетев на клубах тумана, поднимавшихся с озера. Развернулся, чтобы пройти в третий раз, и остановился прямо передо мной в снежной пыли.

Наставив на меня трость, он произнес: «Никогда не видел настолько белой девушки».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.